

Анатолий Шигапов

Пробуждение

Анатолий Шигапов

Пробуждение

Серия «Тридцать Три Дня», книга 1

<https://litres.ru/74080546>

SelfPub; 2026

Аннотация

Профессор лингвистики Анна Новак скрывалась от мира в пустой аудитории до тех пор, пока её не вызвали в секретный проект «Орион». Глубоко под водами Марианской впадины она находит нечто, что перевернёт всё её существование: Хронику - древний артефакт, позволяющий редактировать реальность.

Анна становится Автором - человеком, способным переписывать строки бытия. Но вместе с силой приходит ответственность: Создатели Хроники требуют залог. Анна должна выбрать между любовью и долгом, между спасением мира и спасением тех, кого она любит.

Первая книга цикла «Тридцать три дня» - история о том, как одна женщина научилась не бояться и изменила реальность навсегда.

Анатолий Шигапов

Пробуждение

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга начиналась как сон. Буквально.

Мне приснился город под водой. Не Атлантида, не руины - что-то другое. Живое. Пульсирующее. Светящееся. Я стоял на его улицах и чувствовал, как мои мысли замедляются, как время течёт иначе, как сама реальность становится... другой. Когда я проснулся, я не мог забыть этот образ. Я записал его в блокнот, даже не зная, что с ним делать. Слово «ГОРОД» - заглавными буквами. И дата: 03:47. То самое время из первой главы.

Прошло несколько лет. Этот образ ждал. Как и многие образы, которые приходят к нам во сне, он не торопился раскрывать свои тайны. Я писал другие вещи - рассказы, статьи, сценарии. Но этот город оставался со мной. Он ворочался в глубине сознания, как спящий кит на дне океана. Я чувствовал его присутствие - и знал: когда-нибудь я вернусь к нему.

И я вернулся. Не потому, что захотел. Потому что должен был.

О том, как мир стал сложнее

Наверное, каждый писатель скажет вам, что его книги пишутся сами. Что персонажи начинают жить своей жизнью, что сюжет уводит в неожиданные стороны, что финал оказы-

вається совсем не тем, который ты планировал. И каждый из нас будет прав - и не прав одновременно.

Потому что это правда, но только наполовину. Да, персонажи действительно начинают дышать. Да, сюжет действительно развивается по своим законам. Но за всем этим стоит автор, который выбирает - каждый раз, каждую минуту, каждую секунду. Выбирает, куда повернёт герой. Выбирает, какую боль он испытает. Выбирает, умрёт он или останется жить.

Когда я начал писать «Город под временем», я думал, что создаю научную фантастику. Глубоководная станция, таинственная аномалия, команда учёных - классический набор. Я планировал написать приключенческий роман о том, как люди находят древний город и пытаются понять его тайны. Но город оказался сложнее. Он начал задавать вопросы, на которые у меня не было ответов.

«Что такое реальность?» - спросил он. «Что такое свобода? Что такое любовь? Что значит быть человеком?»

Я пытался игнорировать эти вопросы. Я говорил себе: «Ты пишешь фантастику, а не философский трактат». Но город не отступал. Он рос в моём воображении, заполнял собой все пустоты, проникал в каждую сцену, в каждую реплику, в каждую мысль моих героев. И в конце концов я сдался.

Эта книга - не о приключениях. Она о том, что значит быть живым.

О том, как появилась Анна

Анна Новак пришла ко мне не сразу.

Сначала была идея - лингвист, который видит язык как архитектуру. Синестезия как суперспособность. Это казалось мне красивым и необычным: человек, для которого слова - это здания, а предложения - это улицы. Я думал, что такой персонаж станет отличным проводником для читателя - он будет «переводить» для нас язык древних артефактов.

Но Анна не хотела быть просто проводником. Она хотела быть человеком.

Она пришла ко мне однажды ночью, когда я сидел над очередной главой. Я помню это чётко: я пытался написать сцену, где она впервые входит в Зал Хроник. И вдруг я понял: я не знаю, что она чувствует. Я знаю, что она видит - свет, колонны, саркофаг. Я знаю, что она думает - она анализирует структуру, пытается расшифровать код. Но я не знаю, что она чувствует. А это было важнее всего.

И тогда я спросил её: «Кто ты, Анна?»

Ответ пришёл не словами. Это было ощущение. Тяжёлое, ноющее, бесконечное. Ощущение потери. Она потеряла сына. Я не планировал этого. Когда я начинал книгу, у неё не было сына. Но в тот момент я понял: именно это делает её сильной. Не дар. Не знания. Не способность видеть язык. А потеря.

Любовь, пережившая смерть.

Это стало центром всего. Все её поступки, все её решения, вся её борьба - всё исходило из этой потери. Она не спасала

мир ради абстрактного добра. Она спасала его, потому что не могла позволить ещё одной жизни стать бессмысленной. Потому что если бы человечество было «ошибкой», если бы его можно было просто стереть - значит, жизнь её сына тоже была ошибкой. А она не могла в это поверить.

Именно поэтому она смогла переписать реальность. Не потому, что была умнее других. Не потому, что у неё был особый дар. А потому, что она любила. По-настоящему. До самого дна. До боли. До готовности пожертвовать собой.

Анна научила меня, что героизм - это не сила и не смелость. Это способность продолжать любить, даже когда теряешь всё.

О том, как появился Александр

Александр - мой самый сложный персонаж.

Сначала он был просто «телохранителем». Функция. Солдат, который должен защищать Анну. Я думал, что он будет статичным - надёжным, но предсказуемым. Но он не хотел быть статичным. Он пришёл ко мне с тенью. Вернее, без тени.

Я не знаю, откуда взялся этот образ - мужчина, у которого нет тени. Может быть, из какого-то старого сна, из фильма, из мифа. Но как только я его увидел, я понял: это - ключ к его характеру. Человек, который потерял нечто фундаментальное. Не просто часть себя - часть своей связи с реальностью. Он стал призраком в мире живых.

Я долго искал его историю. Что могло сделать человека

призраком? И нашёл ответ - в Сирии. Не в реальной Сирии, а в той, что я создал в своём воображении. Конвой, засада, пуля, застывшая в воздухе. И сделка - жизнь в обмен на службу. Он не просил об этом. Он просто хотел жить - как любой из нас. И это желание сделало его инструментом.

Но Александр не хотел быть инструментом. Он хотел быть человеком.

Именно это сблизило его с Анной. Она тоже была инструментом - Автором, которого использовали Создатели, Кейн, сама Хроника. Но она не сдалась. Она боролась за свою свободу. И он, глядя на неё, начал бороться за свою.

Я горжусь тем, как он изменился. В начале книги он говорит: «Я солдат. Я делаю свою работу». В конце он говорит: «Я выбрал». Это - огромная эволюция. От функции к личности. От инструмента к человеку.

И ещё одна вещь: его любовь к Анне. Она не была запланирована. Когда я начинал писать, я не думал, что между ними будет роман. Но они сами выбрали друг друга. И я не мог им помешать.

О том, как я придумал Хронику

Хроника - это самое сложное, что я когда-либо создавал.

Идея возникла из моего увлечения лингвистикой. Я всегда думал: что, если язык - это не просто инструмент общения? Что, если он - основа реальности? В начале было Слово - это не просто библейская метафора. Это фундаментальная истина о том, как мы воспринимаем мир.

Язык создаёт реальность. Не в мистическом смысле - в практическом. Мы называем вещи - и они обретают смысл. Мы описываем события - и они становятся историей. Мы рассказываем истории - и они формируют культуру. Без языка нет сознания. Без сознания нет реальности.

Хроника - это гипертрофированная версия этой идеи. Система, которая не просто описывает реальность, а создаёт её. Код, на котором написан мир. И если ты умеешь читать этот код, ты можешь его изменить.

Но я не хотел, чтобы Хроника была просто «машиной». Я хотел, чтобы она была живой. Чтобы у неё была воля. Чтобы она могла ошибаться, развиваться, меняться. Именно поэтому она стала личностью - Протоколом. Именно поэтому в ней появился Эрик. Именно поэтому она смогла быть исцелена.

Хроника - это метафора. Метафора нашего собственного сознания. Мы тоже создаём реальность - каждый день, каждым словом, каждым выбором. И мы тоже можем изменить её, если научимся читать свой собственный код.

О том, как я писал о любви

Эта книга - о любви. Как ни странно это звучит для научной фантастики.

Есть три вида любви в этой книге. Во-первых, любовь материнская. Анна и Миша. Это самое личное, что я писал. Я не терял ребёнка, но я терял близких. Я знаю, что такое боль потери. И я знаю, что эта боль никогда не проходит - она

просто становится частью тебя. Анна несёт Мишу в себе. И именно это позволяет ей переписать реальность. Потому что любовь - это сила, которая не подчиняется законам.

Во-вторых, любовь романтическая. Анна и Александр. Я хотел показать, что настоящая любовь - это не страсть, не влечение, не красивые слова. Это выбор. Каждый день выбирать друг друга. Быть рядом, когда трудно. Держать за руку, когда мир рушится. Быть якорем.

В-третьих, любовь к человечеству. Странная, абстрактная, почти религиозная любовь. Вера в то, что люди - не ошибка. Что мы достойны существования. Что наша свобода - это не проклятие, а дар. Анна проходит через все испытания, потому что верит в это. И я хочу, чтобы читатели поверили в это вместе с ней.

Финал дался мне тяжело.

Я знал, что должен быть хэппи-энд. Не потому, что я люблю счастливые финалы - на самом деле я предпочитаю открытые финалы. А потому, что герои заслужили его. Они прошли через ад. Они потеряли друзей. Они пожертвовали собой. Они заслужили право быть счастливыми.

Но я не хотел, чтобы финал был слащавым. Я хотел, чтобы он был честным. Чтобы читатель чувствовал: да, они победили. Но это не конец. Это только начало. Вселенная бесконечна - всегда будут новые вызовы. Новые угрозы. Новые чудеса. И они встретят их вместе.

Последняя сцена на балконе - это мой подарок читателям.

Двое людей, прошедших через ад, держатся за руки и смотрят на звёзды. Они не знают, что будет завтра. Но они знают, что будут вместе. И этого достаточно.

О том, что я хочу сказать вам, читатель

Эту книгу я написал для вас.

Я знаю, что сейчас много книг. Бесконечное количество. Все хотят вашего внимания. Все хотят вашего времени. Я не могу обещать, что моя книга - лучшая. Я не могу обещать, что она изменит вашу жизнь. Но я могу обещать, что она - честная.

Я вложил в неё всё. Свои страхи. Свои надежды. Свои вопросы, на которые у меня нет ответов. Свою веру в то, что любовь - это единственное, что действительно имеет значение.

Я надеюсь, что, закрывая эту книгу, вы почувствуете то же, что чувствую я, когда думаю о ней. Надежду. Тёплую, тихую, неубиваемую. Надежду на то, что мы - не ошибка. Что наша жизнь имеет смысл. Что свобода - это дар, а не проклятие.

И ещё я надеюсь, что вы полюбите моих героев так же, как полюбил их я. Анну - за её силу и нежность. Александра - за его верность и преданность. Эрика - за его жертву. Мишу - за его свет.

Они - моя семья. И я рад, что теперь они станут частью вашей жизни.

О том, что будет дальше

Эта книга - только первая.

Я знаю, куда движется сюжет. Я знаю, что ждёт героев в будущем. Я знаю, какие тайны ещё предстоит раскрыть. Но я не скажу вам об этом сейчас. Потому что каждая книга - это путешествие. И путешествие - это не пункт назначения. Это дорога.

Я приглашаю вас в это путешествие. Давайте пойдём вместе - через океаны, через звёзды, через самую реальность. Давайте узнаем, что скрывается за горизонтом. Давайте встретим новых друзей, новых врагов, новые чудеса.

Я обещаю: это будет незабываемо.

Благодарности

В конце каждого путешествия хочется кого-то поблагодарить.

Я благодарю свою семью - за то, что они верили в меня, даже когда я сам не верил. За то, что терпели мои ночные бдения, мои бесконечные разговоры о персонажах, мои внезапные озарения за ужином. Без вас эта книга не появилась бы на свет.

Я благодарю своих читателей - первых, тех, кто прочитал черновики и сказал: «Это стоит того». Тех, кто задавал вопросы, на которые я не знал ответов, и тем самым помогал мне находить их. Тех, кто плакал над сценами, которые я считал слабыми, и тем самым доказывал мне, что они сильны.

Я благодарю Город - за то, что он пришёл ко мне во сне

и не отпускал. За то, что он научил меня видеть реальность иначе. За то, что он стал моим домом на долгие месяцы.

И я благодарю вас, читатель. За то, что вы открыли эту книгу. За то, что вы готовы потратить своё время на мой мир. За то, что вы - часть этого путешествия.

Вместо эпилога

Я сижу за столом, за окном - ночь. Город засыпает, но мои герои не спят. Они всё ещё там, в своих мирах. Анна и Александр на балконе в Женеве, смотрят на Луну и думают о будущем. Эрик и Миша в Хронике, охраняют строки реальности. Гармонисты ждут на своей планете.

И я знаю: их история не закончена. Как не закончена история любого из нас. Мы все - Авторы. Мы все пишем свою реальность. Каждый день. Каждым выбором. Каждым словом.

Я желаю вам, читатель, чтобы ваша книга была полна любви. Чтобы ваши персонажи были живыми. Чтобы ваш финал был счастливым.

До встречи на страницах.

Искренне ваш,

Анатолий Шигапов

Где-то в глубине океана, на глубине десять тысяч метров, Город ждёт. Он ждал двести миллионов лет. Он может подождать ещё немного.

А пока - переверните страницу.

Всё только начинается.

ЧАСТЬ 1: «СИГНАЛ»

ГЛАВА 1. «ГЛУБИНА 03:47»

Глубина в десять тысяч метров не прощает ошибок.

Станция «Геката» знала это лучше любой другой точки на планете. Она висела над Бездной Челленджера - самой глубокой впадиной Мирового океана - как стеклянная капля, застывшая в кромешной тьме. Одиннадцать лет она держалась: одиннадцать лет титановые шпангоуты выдерживали давление, способное расплющить танк в блин толщиной с лист бумаги. Одиннадцать лет тридцать шесть специалистов сменяли друг друга вахтами по три месяца, изучая то, что лежало под ними: геологию плиты, биологию абиссали, химию гидротермальных источников.

Сегодня на станции оставалось трое.

Доктор Элиас Ван, биолог. Сорок два года, двенадцать погружений, двести пятнадцать публикаций. Он сидел в лабораторном отсеке, склонившись над микроскопом, и рассматривал образец, поднятый три часа назад автоматическим зондом с глубины десять тысяч девятьсот девяносто четыре метра.

Образец был странным.

- София, - сказал он, не поднимая головы. - Подойди.

София Морено, инженер-электрик, тридцать восемь лет, отвечала за системы жизнеобеспечения и связь. Она стояла у распределительного щита, проверяя показатели: уровень

кислорода упал на ноль целых семь десятых процента за последний час. Не критично, но ненормально.

- Что у тебя?

- Я не знаю.

Она подошла. Ван отодвинулся, уступая ей окуляр.

- Что я должна увидеть?

- Смотри на края.

София прильнула к микроскопу. Образец выглядел как фрагмент осадочной породы - но края его светились. Не флуоресцировали, не отражали свет, а именно светились: ровным, едва заметным голубоватым сиянием, которое пульсировало с частотой примерно раз в три секунды.

- Это биолюминесценция?

- При одиннадцати тысячах метров? При двухстах семидесяти атмосферах? При температуре ноль и восемь десятых Цельсия? Здесь нет организмов, способных к биолюминесценции. Здесь вообще почти нет организмов. Только экстремофилы.

- Тогда что это?

Ван не ответил. Он протянул руку к образцу - просто чтобы поправить предметное стекло, - и в тот момент, когда его палец коснулся края контейнера, свечение изменило цвет.

С голубого на золотой.

- Оно реагирует на тебя, - сказала София.

- Оно реагирует на электрическое поле. Наверное.

- Убери руку.

Ван убрал. Цвет вернулся к голубому.

Третий член экипажа, связист Дмитрий Ким, появился в дверях лаборатории. Ему было двадцать девять, это была его первая глубокая вахта, и он до сих пор вздрагивал от каждого скрежета обшивки.

- Ребята, - сказал он. - У нас проблема.

- У нас всегда проблема, - ответила София, не отрываясь от микроскопа. - Что на этот раз?

- Я потерял связь с поверхностью.

Теперь она обернулась.

- Что значит «потерял»?

- То и значит. Канал мёртв. Я проверял трижды. Никаких помех, никаких наводок - просто тишина. Как будто наверху никого нет.

София переглянулась с Ваном.

- Спускайся в инженерный, - сказала она. - Я проверю кабели. Элиас, оставайся здесь.

- А что мне делать?

- Не трогай образец.

Она вышла вслед за Кимом. Ван остался один в лаборатории, глядя на светящийся фрагмент породы. Он знал, что должен послушаться. Знал, что образец нестабилен, что его природа неясна, что протокол предписывает изоляцию и ожидание инструкций.

Но он был учёным.

И любопытство оказалось сильнее страха.

Он снова протянул руку. На этот раз - прямо к образцу, без перчатки.

Свечение стало алым.

А потом образец заговорил.

София спустилась в инженерный отсек.

Он располагался на нижнем уровне станции - тесное помещение, забитое кабелями, распределительными щитами и аварийными аккумуляторами. Пахло озоном и разогретым металлом. Гудели трансформаторы.

Она открыла панель доступа к основному коммуникационному кабелю.

Внешне всё выглядело нормально. Изоляция цела, контакты чистые, никаких следов коррозии или оплавления. Она достала мультиметр, замерила сопротивление - в пределах нормы.

Ким стоял у неё за спиной.

- Может, проблема наверху? - спросил он. - Может, это не мы?

- Может.

Она переключилась на резервный канал. То же самое - тишина.

- Попробуй аварийный передатчик.

- Уже пробовал. Ничего.

- Радио?

- Ничего.

- Акустический?

- София, я пробовал всё. Любой способ связи, который у нас есть, включая тот, который работает через корпус. Мы отрезаны.

Она выпрямилась и посмотрела на него.

Он был молод и напуган - она видела это по тому, как он сжимал и разжимал кулаки, как бегали его глаза. Но он был профессионалом. Если он говорил, что проверил всё, - значит, проверил.

- Ладно, - сказала она. - Идём обратно. Нужно доложить Вану.

- А что он делает?

- Изучает образец.

- Какой образец?

Вместо ответа она открыла интерком.

- Элиас, приём.

Тишина.

- Элиас?

Ничего.

Они переглянулись и бросились обратно в лабораторию.

Ван стоял посреди лаборатории, выпрямившись, как столб.

Глаза его были открыты, но не видели. Рот шевелился, произнося слова, которых София не понимала. Это не было похоже ни на один язык, который она когда-либо слышала: не английский, не испанский, не китайский, не арабский. Это были звуки, лишённые смысла и одновременно пугающе

структурированные - как будто кто-то говорил на языке, у которого есть грамматика, но нет словаря.

Образец лежал перед ним. Теперь он светился ослепительно-белым, и свечение пульсировало в такт словам Вана.

- Элиас! - София схватила его за плечи.

Он не реагировал.

Она развернула его к себе. Его зрачки были расширены на всю радужку - два чёрных провала, в которых отражался свет образца. Слова продолжали литься из его рта, теперь быстрее, громче.

- Что с ним? - спросил Ким.

- Я не знаю. Держи его.

Ким схватил Вана за плечи, а София бросилась к аптечке. Атропин? Нет, не поможет. Адреналин? Бессмысленно. Что вообще можно вколоть человеку, который говорит на несуществующем языке и смотрит в никуда?

Она схватила шприц с седативным - универсальный протокол при необъяснимом психозе - и вернулась к Вану.

Но когда она занесла иглу, Ван вдруг замолчал.

И посмотрел на неё.

Осмысленно.

- София, - сказал он нормальным голосом. - Я его видел.

- Что видел?

- Город.

- Какой город?

Он улыбнулся - спокойной, умиротворённой улыбкой че-

ловека, который только что обрёл веру.

- Тот, что под нами, - сказал он. - Тот, что ждал двести миллионов лет. Он проснулся. И он уже идёт.

И в этот момент свет на станции погас.

Аварийное освещение включилось автоматически через три секунды - багровые лампы, заливающие отсеки кровавым светом. Загудел сигнал тревоги: низкий, пульсирующий, на самой границе слышимости.

София бросилась к щиту управления.

- Потеря основного питания, - прочитала она. - Аккумуляторы держат, но запас - два часа, не больше.

- Два часа до чего? - спросил Ким.

- До того, как мы останемся без воздуха. Реакторы не запускаются. Я не понимаю, в чём дело.

Ван всё ещё стоял посреди лаборатории. Его улыбка стала шире. Он поднял руку и начал чертить пальцем в воздухе - формулы, уравнения, символы, которых София не узнавала.

- Посмотри, - сказал он. - Я могу их видеть. Они здесь. Они всегда были здесь. Мы просто не умели смотреть.

- Кто «они»?

- Архитекторы. Авторы. Те, кто написал нас.

София подошла к нему и взяла за руку. Ладонь Вана была ледяной.

- Элиас, послушай меня. Ты под воздействием. Образец вызвал у тебя галлюцинации. Мне нужно, чтобы ты сел и постарался успокоиться. Дмитрий, помоги мне.

Вдвоём они усадили Вана на стул. Он не сопротивлялся. Его взгляд блуждал по потолку, как будто он видел сквозь металл и воду что-то, недоступное остальным.

- Четыре стены, - прошептал он. - Четыре стены и семьдесят семь ступеней вниз. Там, где свет не гаснет, а застывает. Там, где время не идёт, а лежит. Там, где нас нет. Пока нет.

- Он бредит, - сказал Ким.

- Да, - согласилась София.

Но она не была в этом уверена.

Она подошла к микроскопу, в который смотрела несколькими минутами ранее. Образец всё ещё лежал на предметном стекле. Теперь он не светился - он был тёмным, как обсидиан, и по его поверхности пробегали трещинки, складывающиеся в узор.

Узор напоминал карту.

Карту того, что лежало под ними.

София смотрела на неё, и холодок пробегал по её спине. Она не верила в сверхъестественное. Она верила в физику, в инженерию, в причинно-следственные связи. Но прямо сейчас она смотрела на фрагмент породы, поднятый с глубины, где не могло быть ничего, кроме ила и базальта, и этот фрагмент показывал ей план города.

Не природного образования. Не груды камней.

Города.

С улицами, площадями, зданиями.

И в центре - структура, похожая на собор.

- Дмитрий, - сказала она тихо. - Посмотри на это.

Он подошёл. Склонился над микроскопом.

- Боже мой.

- Это не может быть реальным.

- Но оно есть.

Ван засмеялся за их спинами - тихим, счастливым смехом.

- Вы тоже видите, - сказал он. - Теперь и вы. Он выпускает только тех, кто готов. Тех, кто смотрит. Тех, кто не отводит глаз.

София выпрямилась.

- Нужно связаться с поверхностью.

- Мы не можем, - напомнил Ким.

- Тогда нужно починить передатчик.

- Я не знаю, что с ним.

- А я знаю, - сказал Ван.

Они обернулись к нему.

Он сидел на стуле, опустив руки на колени. Его глаза снова стали нормальными - карими, человеческими. Но в глубине зрачков всё ещё плясали искры белого света.

- Передатчик не сломан, - сказал он. - Просто нас нет.

- Что это значит?

- Это значит, что мы уже не здесь. Мы - в Городе. А Город - в нас. И он не любит гостей.

Ван поднял руку и показал на стену.

Там, на металлической обшивке, проступали буквы.

Формулы.

Те самые, которые он чертил в воздухе, - но теперь они были написаны не его рукой. Они появлялись сами, как будто кто-то выжигал их на стали невидимым лучом.

София смотрела на них, и её собственный разум начинал плыть.

Она узнавала некоторые символы. Это была математика - но не человеческая. Не Евклид, не Ньютон, не Эйнштейн. Геометрия, основанная на иных аксиомах. Алгебра, в которой числа не имели фиксированных значений. Физика, в которой время было не осью, а плоскостью.

Она тряхнула головой.

- Дмитрий, - сказала она. - Мы уходим.

- Куда?

- В спасательную капсулу. Мы всплываем.

- Втроём?

- Втроём.

- София, - сказал Ким тихо. - Ты же понимаешь, что это невозможно? Всплытие с десяти тысяч метров без декомпрессии нас убьёт. А если даже нет - капсула рассчитана на двоих.

- Значит, кто-то останется.

Они посмотрели на Вана.

Он улыбался.

- Я останусь, - сказал он. - Я уже не могу уйти. Я видел его. Он не отпустит.

- Я не оставлю тебя здесь, - сказала София.

- У тебя нет выбора.

Ван встал - легко, свободно, как будто ничего не случилось. Он подошёл к стене, на которой проступали формулы, и приложил к ней ладонь.

Металл под его рукой начал светиться.

- Идите, - сказал он. - Я передам сигнал. Я скажу им, что вы идёте.

- Кому «им»?

- Всем, - ответил Ван. - И никому.

Он повернулся к ним. Его лицо было спокойным, почти счастливым.

- Там, наверху, есть женщина, - сказал он. - Анна. Она поймёт. Приведи её сюда, София. Она - ключ.

- Я не знаю никакой Анны.

- Узнаешь.

И Ван закрыл глаза.

Свечение на стене усилилось. Формулы поползли по обшивке, как живые, охватывая всё помещение. София попятилась, схватив Кима за руку. Они выбежали в коридор.

Последнее, что она увидела, обернувшись: Ван стоял в центре лаборатории, раскинув руки, а вокруг него кружился вихрь из символов и света.

Дверь захлопнулась сама собой.

Спасательная капсула находилась в верхнем отсеке станции - маленькая сфера из титанового сплава, способная выдержать давление и доставить двух человек на поверхность

за четыре часа.

София и Ким втиснулись внутрь. Она задраила люк, запустила предстартовую диагностику.

- Два часа до потери кислорода, - сказала она. - Мы не можем ждать.

- Что мы скажем наверху?

- Правду.

- Нам не поверят.

- Поверят или нет - мне всё равно. Мы должны предупредить.

Капсула отстыковалась от станции и начала подъём. Через иллюминатор София видела, как «Геката» уменьшается, превращается в точку, исчезает в черноте.

И в этот момент она услышала голос.

Не в наушниках.

Внутри головы.

- *София.*

Она замерла.

- *Ты слышишь меня.*

Это был голос Вана - и не Вана одновременно. Ван говорил его интонациями, его тембром, но за ними стояло что-то огромное, древнее, бесконечное.

- *Ты была права. Город существует. Но он не под вами. Он везде. Он был здесь до вас. Он будет после. Вы - лишь рябь на его поверхности.*

- Что тебе нужно? - прошептала София.

Ким посмотрел на неё с тревогой.

- Ты с кем говоришь?

Она не ответила.

- *Мне нужно, чтобы вы пришли,* - сказал голос Вана. - *Все вы. Анна, Александр, те, кто ещё не знает. Город ждал двести миллионов лет. Он может подождать ещё немного. Но недолго.*

Связь оборвалась.

Капсула продолжала подъём.

София закрыла глаза и попыталась забыть то, что видела. Формулы на стенах. Карту города в трещинах камня. Глаза Вана, полные чужого света.

Но она знала: забыть не получится.

Никогда.

Четыре часа спустя спасательная капсула всплыла в ста пятидесяти милях к востоку от Марианских островов.

Сигнал SOS, который Ким успел отправить перед отстыковкой, уже был принят. Их ждали: корабль береговой охраны, вертолёт, медики.

Софию вынесли первой. Она была в сознании, но не говорила. Её глаза смотрели в небо, где не было ничего, кроме облаков, но она видела иное: городские шпили, пронзающие время.

Кима допрашивали три часа. Он рассказал всё: образец, свечение, голос, формулы на стенах. Ему не поверили, но записали. Рапорт ушёл по инстанциям.

Через двенадцать часов рапорт лёг на стол директора Маркуса Кейна, главы корпорации «Орион».

Кейн прочитал его дважды.

Затем он открыл ящик стола, достал личное дело с грифом «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» и набрал номер.

- Доктор Новак, - сказал он в трубку. - Это Кейн. У меня для вас работа. Не спрашивайте, какая. Просто будьте в Женеве завтра в восемь утра. И да... вы верите в Бога? Нет? Хорошо. Послезавтра вам понадобится эта способность.

Он положил трубку и посмотрел в окно.

Над Женевским озером собирались тучи.

Где-то в глубине Марианской впадины, на глубине одиннадцать тысяч метров, Город распахнул свои ворота и начал обратный отсчёт.

До коррекции оставалось семьдесят семь дней.

ГЛАВА 2. «АННА»

В три часа ночи аудитория 4-07 университета Торонто была пуста.

Пустой она была почти всегда - особенно в это время суток, особенно в середине осеннего семестра, когда студенты либо спали, либо пытались догнать дедлайны. Но именно пустота и была нужна Анне Новак. Она стояла за кафедрой, глядя на сорок незанятых кресел, и читала лекцию.

Не для кого-то. Для себя.

- Структура языка, - говорила она, и её голос отражался

от стен с лёгким эхом, - это не просто набор правил. Это архитектура мысли. Каждый язык - здание. Фонетика - фундамент. Морфология - несущие стены. Синтаксис - планировка этажей. А семантика... семантика - это свет, который проходит сквозь окна.

Она нажала кнопку на пульте. За её спиной ожил экран, показывая трёхмерную модель: готический собор, сложенный не из камня, а из слов. Санскритские корни образовывали колонны. Латинские префиксы - аркбутаны. Английские суффиксы - витражи.

- Красиво, правда? - спросила она у пустого зала. - Жаль, что никто из вас этого не увидит. Потому что вы все спите. Или пьёте. Или занимаетесь тем, чем обычно занимаются студенты в три часа ночи.

Она вздохнула и выключила экран.

Анне Новак было тридцать шесть лет. Она была самым молодым профессором кафедры сравнительной лингвистики за всю историю университета - получила должность в тридцать два, опубликовала три монографии, говорила на двенадцати языках и могла прочитать ещё на тридцати. Её называли гением. Её приглашали на конференции. Её цитировали.

И она ненавидела каждую минуту публичности.

Потому что публичность требовала людей. А люди требовали объяснений. А объяснения требовали слов. А слова... слова были её даром и её проклятием одновременно.

Она видела их.

Не метафорически. Не образно. Она видела структуру языка так же ясно, как другие видят цвет или форму. Каждое произнесённое слово обретало в её сознании физическую форму - геометрическую, архитектурную. Английский был похож на небоскрёб из стекла и стали: прямой, функциональный, эффективный. Японский - на деревянный храм: многослойный, с потайными комнатами и внутренними дворами. Арабский - на кружевной лабиринт: затейливый, орнаментальный, бесконечно ветвящийся.

Это называлось синестезией. В медицинских учебниках это описывали как безобидную неврологическую особенность. Но для Анны это было чем-то большим. Это было способом мышления. Способом существования.

И причиной её одиночества.

Потому что, когда ты видишь язык как здание, ты не можешь просто болтать. Ты видишь каждую трещину в фундаменте. Каждую кривую балку. Каждое выбитое окно. Люди лгут - и ты видишь ложь как архитектурный изъян, как стену, поставленную под неправильным углом. Люди говорят пустые слова - и ты видишь пустоту как провал в полу, в который страшно шагнуть.

К тридцати годам Анна научилась избегать людей. К тридцати пяти - почти перестала выходить из дома, если не считать лекций. Её мир сузился до кабинета, аудитории и квартиры на сорок втором этаже с видом на озеро Онтарио.

Её единственным другом был её аспирант Лео.

И сейчас Лео стоял в дверях аудитории, держа в руках планшет, и вид у него был такой, будто он только что увидел призрака.

- Анна, - сказал он. - Ты должна это услышать.

Лео Коэн был на десять лет моложе Анны. Двадцать шесть, копна непослушных чёрных волос, вечно мятая рубашка и глаза, которые всегда смотрели чуть дальше, чем нужно. Он пришёл в лингвистику из информатики и был единственным человеком, который понимал её дар - не потому, что разделял его, а потому, что воспринимал как алгоритм.

- Я думаю о твоём мозге как о нейросети, - сказал он однажды. - Ты обрабатываешь язык не как символьную систему, а как топологическое пространство. Это круто. Это, как если бы у тебя был встроенный GPU для реальности.

Анна тогда рассмеялась - что случалось с ней редко.

Сейчас Лео не смеялся.

- Что случилось? - спросила она.

- Я перехватил сигнал.

- Какой сигнал?

- SOS. С глубоководной станции «Геката». Тихоокеанская акватория, Марианская впадина. Сигнал был отправлен три часа назад и перехвачен военными спутниками. Но кто-то из моих... знакомых переслал мне копию.

- Зачем?

- Потому что там есть аудиодорожка. И на ней - язык, которого не существует.

Анна замерла.

- Что значит «не существует»?

- Я прогнал его через все известные базы. Ни одного совпадения. Ни одной семьи. Ни одного изолята. Это не индоевропейский, не сино-тибетский, не афразийский, не австронезийский. Это вообще не земной язык.

- Так не бывает.

- Я знаю. Поэтому и пришёл к тебе.

Он протянул ей планшет. Анна взяла его - и в тот момент, когда её пальцы коснулись экрана, что-то произошло.

Её дар активировался.

Обычно для этого нужно было услышать язык - живой, звучащий. Она не могла видеть структуру по написанному тексту: письмо было слишком абстрактным, слишком медленным. Но сейчас, глядя на спектрограмму аудиозаписи, она начала видеть.

Линии на экране стали подниматься. Изгибаться. Переплетаться.

И строить здание.

- Господи, - прошептала она.

- Что? Что ты видишь?

- Я не знаю.

Это была правда. Впервые в жизни Анна Новак смотрела на языковую структуру и не могла понять, что это. Зда-

ние, которое она видела, не подчинялось никаким правилам. Оно было огромным - колоссальным, - но при этом невесомым. Оно нарушало законы перспективы: ближние части казались дальними, дальние - ближними. Стены переходили в потолки, полы становились окнами, лестницы уходили вверх и вниз одновременно.

Это было невозможно.

И это было прекрасно.

- Лео, - сказала она, не отрывая глаз от планшета. - Где ты взял эту запись?

- Я же сказал. Перехватил.

- Перехватил откуда?

- С военного канала. Но это не всё.

Он коснулся экрана, переключая файл. Теперь там была не спектрограмма, а текст - расшифровка, сделанная какой-то программой. Или не программой.

Текст состоял из формул.

Математических. Физических. Космологических.

- Это не язык, - сказала Анна.

- Я знаю. Это уравнения.

- Нет, ты не понял. Это - язык. Язык, в котором математика является грамматикой. Где каждое уравнение - это предложение. Где интеграл - это глагол. Где число пи - это местоимение.

Она опустила планшет и посмотрела на Лео.

- Тот, кто это написал, мыслит не как человек. Он мыслит,

как... как реальность.

- Это бред.

- Да. Бред. Но я вижу это, Лео. Я вижу архитектуру. И она не земная. Она даже не солнечная. Это здание построено для существ, которые живут в четырёх измерениях. Может быть, в пяти. Может быть, в десяти.

Она снова подняла планшет и принялась чертить пальцем по экрану, создавая трёхмерную проекцию. Здание росло, расширялось, усложнялось - и вдруг Анна остановилась.

Потому что она узнала форму.

Здание, которое она строила, было картой.

Картой Марианской впадины.

- Лео, - сказала она тихо. - Там что-то есть.

- Где?

- На дне. Под станцией. На глубине одиннадцати тысяч метров. Что-то, чего там быть не должно.

- Что именно?

- Я не знаю. Но оно... оно говорит. И оно говорит с нами. Сейчас. Прямо сейчас.

Она увеличила проекцию.

И увидела в центре карты точку.

Точка пульсировала.

И когда Анна посмотрела на неё, она услышала голос.

Не в ушах. Внутри головы.

- *Анна Новак.*

Она выронила планшет.

- Анна? Анна, что с тобой?

Голос Лео доносился откуда-то издалека, как сквозь толщу воды. Анна видела его лицо, но не могла ответить. Её разум был занят другим.

Голос звучал не на каком-либо языке. Он был чистой информацией - смыслом, переданным напрямую, без посредничества слов. И этот смысл был ошеломляющим.

Она знала, кто говорит.

Не имя. Не личность. Но - природу.

Это было древним. Не как гора или океан - старше. Как континент. Как планета. Как сама идея существования, воплощённая в звуке.

- Ты слышишь меня.

- Да, - прошептала Анна. - Слышу.

- Ты видишь меня.

- Я... я не знаю. Я вижу что-то. Здание. Карту. Точку.

- Это я. Я - Хроника. Я - запись всего, что было и будет.

Ты - первая за двести миллионов лет, кто смог увидеть мою структуру без подготовки. Ты - тринадцатая.

- Что значит «тринадцатая»?

- Было двенадцать до тебя. Двенадцать видов. Двенадцать цивилизаций. Все они прошли через меня. Все были оценены. Все были удалены.

- Удалены?

- Корректированы. Исправлены. Убраны из ткани реальности, потому что не соответствовали проекту.

Холод пробежал по спине Анны.

- Какому проекту?

- *Проекту Создателей. Я - их инструмент. Я - библиотека, в которой записана история Вселенной. Не прошедшая. Настоящая. Та, которая утверждена. Всё, что не соответствует, подлежит коррекции.*

- И человечество... не соответствует?

Тишина.

Долгая, глубокая, как сама бездна, из которой пришёл сигнал.

- *Человечество - ошибка, - сказал голос. - Строка семьдесят семь. Аномалия, не предусмотренная проектом. Коррекция была запланирована на две тысячи двенадцатый год. Сбой системы отсрочил её. Теперь коррекция неизбежна.*

- Когда?

- *Семьдесят семь дней.*

Анна почувствовала, как пол уходит из-под ног. Она схватилась за кафедру.

- Почему ты говоришь мне это?

- *Потому что ты - тринадцатая. Потому что ты можешь видеть. Потому что ты можешь прочитать меня. И, возможно, написать.*

- Написать что?

- *Исправление. Альтернативу. Ложь, которая станет правдой. Ты - лингвист. Язык - твой инструмент. А я - всего лишь язык. Язык творения.*

Голос начал затихать, как радиостанция, уходящая из диапазона.

- *Приходи ко мне, Анна Новак. Приходи в Город. Ты - ключ. Ты - Автор. Или ты - никто.*

Связь оборвалась.

Анна обнаружила, что сидит на полу аудитории, прижав ладони к вискам. Лео стоял над ней на коленях, бледный как мел.

- Что это было? - спросил он. - Ты говорила с кем-то. Я слышал слова, но не понимал их. Это был тот же язык, что на записи?

- Да, - прошептала она. - И нет.

- Объясни.

- Это был не язык. Это была... прямая передача. Как если бы кто-то вложил мысли прямо в мой мозг, минуя слова.

- Кто?

Анна подняла на него глаза.

- Хроника.

- Что?

- Так оно себя называет. Искусственный интеллект. Или естественный. Или сверхъестественный. Я не знаю. Но оно - там, на дне. В Городе. И оно говорит, что человечество - ошибка. Что нас должны удалить.

- Удалить? Кто?

- Те, кто нас создал. Или не создал. Те, кто написал реальность. - Она провела рукой по лицу. - Я знаю, как это звучит.

- Это звучит как полный бред.

- Да. Но это правда. Я видела структуру, Лео. Я видела её целиком, на секунду. Это не обман. Это не иллюзия. Это... система. Система управления реальностью. И она считает нас вирусом.

Лео сел на корточки и несколько секунд молчал. Он не спорил - он обрабатывал информацию. В этом была его сила: он мог принять даже самую безумную гипотезу и проверить её.

- Ладно, - сказал он наконец. - Предположим, это правда.

Что мы делаем?

- Ничего. Пока ничего.

- То есть?

- Мы ничего не можем сделать. Мы - два лингвиста в Торонто. У нас нет ресурсов, нет власти, нет доступа. Всё, что у нас есть, - это знание. И пока мы единственные, кто знает.

- Кроме тех, кто отправил сигнал.

- Да. Станция «Геката». Нужно выяснить, что с ней.

Лео кивнул и достал телефон.

- Я позвоню своим контактам. Узнаю, что известно военным.

Он отошёл в угол аудитории. Анна осталась сидеть на полу, глядя в потолок.

Архитектура языка, который она видела, всё ещё стояла перед её внутренним взором. Но теперь она видела её по-новому. Это было не просто здание. Это была тюрьма. Или,

наоборот, убежище. Структура, построенная, чтобы удерживать реальность в заданных параметрах.

И в центре этой структуры была дыра.

Человечество.

Строка семьдесят семь.

Ошибка.

Она закрыла глаза и попыталась представить, как исправить ошибку. Не удалить - переписать. Создать ложь, которая станет правдой. Написать новую строку в книгу бытия.

Возможно ли это?

Она не знала.

Но она знала, что теперь это - её задача. Не потому, что её избрали. Не потому, что она была особенной. А потому, что она была единственной, кто мог видеть.

Дверь аудитории открылась.

Анна подняла голову.

На пороге стояли трое - двое мужчин и женщина. Все в одинаковых тёмно-серых костюмах, без опознавательных знаков. Женщина держала в руках планшет.

- Доктор Анна Новак? - спросила она.

- Да.

- Меня зовут агент Росс. Это агенты Миллер и Чен. Мы из корпорации «Орион». Директор Кейн просит вас проследовать с нами.

- Куда?

- В Женеву. Ваш рейс через два часа. Вещи можете не со-

бирать - всё необходимое будет предоставлено.

Анна медленно поднялась с пола.

- А если я откажусь?

- Директор Кейн просил передать, - агент Росс сделала паузу, - что отказ не предусмотрен. Это не угроза. Это констатация факта. Вы - единственный человек на планете, который может расшифровать то, что мы нашли. И вы нам нужны.

Лео шагнул вперед.

- Она никуда не поедет.

- Молодой человек, - агент Миллер говорил тихо, но веско, - не вмешивайтесь. Это вопрос глобальной безопасности.

- Глобальной безопасности? - Анна усмехнулась. - Вы даже не представляете, о какой глобальной безопасности речь.

- Представляем, - сказала Росс. - Именно поэтому мы здесь.

Она повернула планшет экраном к Анне.

Там была фотография.

Та самая карта, которую Анна построила пять минут назад в своей голове. Марианская впадина. Точка на дне. И подпись: «Объект "Хроника". Классификация: внеземной артефакт. Статус: активен».

- Откуда у вас это? - спросила Анна.

- Мы знаем больше, чем вы думаете. И меньше, чем вы узнаете. Поэтому вы летите в Женеву. Сейчас.

Анна посмотрела на Лео.

- Позвони в деканат, - сказала она. - Скажи, что я заболела. Неделя, может, две. Придумай что-нибудь.

- Анна...

- Всё будет хорошо. - Она улыбнулась - впервые за этот вечер. - Или не будет. Но в любом случае - это интереснее, чем читать лекции пустому залу.

Она взяла сумку и пошла к выходу.

У двери она обернулась.

- Лео, - сказала она. - Та запись. Спектрограмма. Сохрани её. Изучай. Возможно, она ещё понадобится.

- Зачем?

- Потому что, - она посмотрела на агентов, - я не уверена, что эти люди говорят мне всю правду.

И вышла.

Самолёт «Ориона» был не похож на обычный бизнес-джет. Он был быстрее, тише и напичкан оборудованием, о котором Анна могла только догадываться. Салон был отделан деревом и белой кожей, но за этой роскошью угадывалась функциональность: усиленная обшивка, скрытые панели, герметичные переборки.

Агент Росс сидела напротив Анны. Остальные - в переднем салоне.

- Кофе? - спросила она.

- Нет. Ответы.

Росс слегка улыбнулась.

- Я не уполномочена давать ответы. Моя задача - доста-

вить вас в целости.

- Тогда расскажите то, что можете.

Росс помолчала.

- «Орион» - не частная корпорация, - сказала она наконец.

- Мы - подразделение ООН, созданное двадцать лет назад после обнаружения первого артефакта в Сибири. С тех пор мы нашли ещё двенадцать объектов по всему миру. Все они - нечеловеческого происхождения. Все они были неактивны. До сегодняшнего дня.

- Что изменилось?

- Станция «Геката». Три часа назад мы потеряли с ней связь. За час до этого мы получили сигнал SOS от связиста Дмитрия Кима. Он содержал аудиодорожку с языком, который мы не смогли расшифровать. Мы прогнали его через все наши системы - ноль.

- Кроме меня.

- Кроме вас. Директор Кейн следит за вашей карьерой уже несколько лет. Он знает о вашей... особенности. И он считает, что вы - единственная, кто может понять, что говорит этот объект.

- Объект?

- Мы называем его «Хроника». Потому что, судя по первым данным, это - запись. История. Летопись.

- Чья?

Росс посмотрела ей в глаза.

- Всех. И всего.

Самолёт начал снижение.

Штаб-квартира «Ориона» находилась не в Женеве - Женева была прикрытием. Настоящий центр располагался в горах Юра, в бывшем военном бункере, перестроенном в ультрасовременный комплекс. Анна увидела его только мельком, когда машина въехала в туннель, пробитый в скале: бетонные своды, охранники с автоматами, сканеры сетчатки.

Её провели в комнату ожидания - стерильную, безликую, с одной картиной на стене. Картина изображала спираль. Анна узнала последовательность Фибоначчи.

Дверь открылась.

На пороге стоял человек лет пятидесяти пяти - сухощавый, с коротким ёжиком седых волос и глазами, которые смотрели оценивающе, но без враждебности. Костюм на нём сидел идеально, но галстук был чуть ослаблен - единственная деталь, выдающая усталость.

- Доктор Новак, - сказал он. - Я Маркус Кейн. Спасибо, что согласились прилететь.

- У меня не было выбора.

- Выбор есть всегда. Просто иногда он не очевиден.

Он жестом пригласил её сесть. Сам остался стоять.

- Я перейду к делу, - сказал он. - Три с половиной часа назад станция «Геката» вошла в контакт с объектом на дне Марианской впадины. Двое членов экипажа спаслись в капсуле. Третий - доктор Элиас Ван - остался на станции. По словам выживших, он вступил в прямой контакт с объектом

и был... изменён.

- Изменён как?

- Физически, ментально, информационно - мы не знаем. Его тело не найдено. Но перед исчезновением он отправил сообщение. Одно слово. «Безмолвие».

- Это название?

- Мы думали так же. Но наши аналитики полагают, что это - концепт. Описание природы объекта. «Безмолвие» - это то, чем он является. Тишина, в которой записано всё.

Анна вспомнила голос, который говорил с ней.

- Он не молчит, - сказала она. - Он говорит. Просто не на нашем языке.

Кейн посмотрел на неё с интересом.

- Расскажите.

И Анна рассказала. О записи Лео. О спектрограмме. О здании, которое она построила в своём воображении. О карте Марианской впадины. О голосе, который назвал себя Хроной. О строке семьдесят семь. О коррекции.

Кейн слушал не перебивая. Его лицо не выражало удивления.

Когда она закончила, он отошёл к окну - настоящему, не экрану, - и долго смотрел на горы.

- Двенадцать, - сказал он тихо. - Двенадцать цивилизаций до нас. Мы знали о трёх. Триасовая. Меловая. Атлантическая. Но двенадцать...

- Вы знали об объекте?

- Мы знали, что на дне что-то есть. Спутниковая гравиметрия показывала аномалию в Марианской впадине уже десять лет. Мы пытались добраться. Но технологии не позволяли. «Геката» была нашей первой станцией, способной работать на такой глубине. Она проработала одиннадцать лет - и только сегодня зонд случайно задел капсулу, которая, видимо, была защитным контейнером объекта.

- Случайно?

- Возможно. А возможно, нас впустили.

Кейн повернулся к ней.

- Доктор Новак, я собрал вас здесь не для того, чтобы просто расшифровать сигнал. У меня есть план. Мы отправляем экспедицию в Марианскую впадину. Через тридцать шесть часов. Цель - спуститься в Город и вступить в прямой контакт с «Хроникой». Вы - ключевой специалист. Вы полетите.

- Я не подхожу. У меня нет подготовки. Я не водолаз, не военный, не...

- Вы - единственная, кто может читать язык реальности, - перебил он. - Остальное неважно. Мы дадим вам охрану. Лучшего специалиста по безопасности из всех, кто у нас есть.

Дверь открылась.

На пороге стоял мужчина лет сорока - высокий, широкоплечий, с короткой стрижкой и шрамом через левую бровь. На нём была военная форма без знаков различия.

Он вошёл в комнату - и Анна заметила странную вещь.

У него не было тени.

Лампы горели ярко, отбрасывая чёткие силуэты от мебели, от Кейна, от неё самой. Но человек стоял на свету, и под его ногами не было ничего - только ровный, незатемнённый пол.

- Доктор Новак, - сказал Кейн. - Познакомьтесь. Это майор Александр Волков. Ваша охрана на время миссии.

Александр посмотрел на неё.

У него были серые глаза - холодные, оценивающие, но не враждебные. Глаза человека, который видел слишком много и перестал удивляться.

- Доктор, - сказал он. Голос был низким, с лёгким акцентом. - Надеюсь, вы не боитесь глубины.

- Боюсь, - ответила она. - Но не глубины. Темноты.

Он кивнул, будто понял что-то.

- Это ничего, - сказал он. - Там, куда мы идём, темноты нет. Только свет. Так мне сказали.

- Кто?

Он не ответил.

Но Анна увидела в его глазах что-то знакомое. Отблеск. Искру. Тот же свет, который она видела в формулах на стенах лаборатории - в голосе, который говорил с ней через океан.

Александр Волков тоже слышал Голос.

И он тоже был изменён.

ГЛАВА 3. «АЛЕКСАНДР»

За три года до того, как Анна Новак впервые услышала Голос, майор Александр Волков умер в сирийской пустыне.

Это произошло в ста семидесяти километрах к востоку от Пальмиры, в зоне, которую на картах обозначали как «нестабильную», а военные называли проще - «мясорубка». Конвой из трёх бронированных внедорожников двигался по старой бедуинской дороге, поднимая за собой хвосты пыли, видимые за десятки километров. В первом внедорожнике сидел Александр. Во втором - двое миротворцев ООН, которых он должен был доставить на базу. В третьем - боеприпасы и медикаменты.

Миссия была рутинной. Двадцать семь подобных конвоев Александр провёл за восемь месяцев командировки, и все они закончились одинаково: пыль, жара, доклад командованию, скупой ужин и четыре часа сна перед следующим выездом.

Двадцать восьмой конвой закончился иначе.

Снаряд пришёл с юга - из-за бархана, где, по данным разведки, не было ни души. Ручной гранатомёт, кустарная сборка, прицельная дальность - триста метров. Попадание пришлось точно в средний внедорожник.

Александр услышал взрыв раньше, чем увидел его. Услышал - и в ту же секунду его тело среагировало быстрее мысли, выбрасывая его из машины, перекатывая за укрытие, хватывая автомат. Восемнадцать лет тренировок, шесть боевых кампаний, бесчисленные часы в тире и на полигоне -

всё это сжалось в одно мгновение чистого рефлекса.

Но рефлекс не спасёт от пули.

Их было семеро. Семеро боевиков, появившихся из-за бархана как призраки - бесшумно, быстро, профессионально. Не крестьяне с ржавыми АК, а обученные бойцы, знающие своё дело. Первый выстрел сбил Александра с ног. Пуля попала в плечо - бронежилет выдержал, но удар был такой силы, что левая рука повисла плетью. Второй выстрел разбил рацию. Третий должен был стать последним.

Александр видел ствол, направленный ему в лицо. Видел палец на спусковом крючке. Видел глаза стрелявшего - карие, спокойные, без ненависти и без жалости. Глаза профессионала.

И в этот момент мир остановился.

Не метафорически. Не образно. Физически.

Пуля застыла в воздухе в двадцати сантиметрах от его лба. Пыль, поднятая боем, зависла неподвижным облаком. Крики, выстрелы, грохот - всё смолкло, как будто кто-то нажал на паузу в видеоплеере реальности.

Александр мог двигаться. Он повернул голову - медленно, как во сне - и увидел, что мир вокруг него превратился в фотографию. Семи боевиков, замерших в боевых позах. Два горящих внедорожника, языки пламени, застывшие как оранжевое стекло. Его собственная кровь, каплями висящая в воздухе.

И посреди этой застывшей картины стояло нечто.

Оно не имело формы - или, вернее, имело все формы сразу. Оно было похоже на человека, сложенного из осколков зеркала, в каждом из которых отражалось что-то своё: звезда, камень, дерево, лицо. Тысячи лиц. Миллионы.

Оно говорило без голоса.

- Александр Волков.

- Кто ты?

- Я - то, что было до тебя. Я - то, что будет после. Я - Эхо.

- Чего Эхо?

- Всех, кто проиграл. Всех, кто был стёрт. Двенадцать цивилизаций, двенадцать попыток, двенадцать смертей. Я - их коллективная память. Я - их голос.

Александр попытался встать. Тело слушалось плохо - ранение давало о себе знать, но адреналин и шок от происходящего глушили боль.

- Что тебе нужно?

- Ты - аномалия. Ты должен был умереть сегодня. Твоя смерть записана в Хронике. Пуля должна была войти в лоб, выйти через затылок, оборвать цепочку причин и следствий. Твоя линия завершена.

- Но я жив.

- Да. Потому что я вмешался. Я остановил время в этой точке. Я предлагаю тебе сделку.

- Сделку?

- Ты останешься жив. Но цена - твоя причинно-след-

ственная связь с реальностью. Ты будешь существовать, но Хроника не будет тебя видеть. Ты станешь призраком в системе. Тенью без тела. Аномалией.

- Зачем тебе это?

- Потому что мне нужен инструмент. Мне нужен тот, кто сможет действовать вне правил. Тот, кого не заметят Создатели. Тот, кто поможет мне, когда придёт время.

- Какое время?

- Время тринадцатой попытки. Время коррекции. Ты узнаешь, когда оно наступит. Ты почувствуешь. А пока - живи. Живи как ни в чём не бывало. И помни: ты должен мне жизнь.

Александр хотел ответить - но мир снова пришёл в движение.

Пуля пролетела мимо его головы, вонзилась в песок. Боевик, стрелявший в него, моргнул - и упал, сражённый выстрелом из второго внедорожника. Бой продолжился.

Александр выжил.

Когда подоспела помощь и его грузили на носилки, санитар спросил:

- Сэр, как вы себя чувствуете?

- Странно, - ответил Александр.

- Что именно странно?

Александр посмотрел на пол.

Над носилками горела лампа. Санитар отбрасывал чёткую тень. Оборудование отбрасывало тень. Носилки отбрасыва-

ли тень.

У Александра Волкова тени не было.

Она исчезла - и никогда не вернулась.

Три года спустя, в тренировочном лагере «Ориона» в пустыне Невада, Александр Волков стоял в центре октагона и ждал атаки.

Октагон - восьмиугольная арена, используемая для тренировок по ближнему бою, - был ярко освещён прожекторами. Покрытие пола гасило удары, стены были обиты мягким материалом, камеры в углах фиксировали каждое движение. Трое бойцов в защитной экипировке окружали Александра, медленно сжимая кольцо.

Он стоял расслабленно, опустив руки. Со стороны могло показаться, что он не готов - но это была поза опытного бойца, экономившего энергию для решающего движения.

- Начали, - скомандовал инструктор.

Трое атаковали одновременно.

Первый - прямой в голову. Александр ушёл влево, пропуская удар мимо, и коротко ударил в корпус. Второй - захват сзади. Александр перекатом ушёл из захвата, подсекая ноги нападавшего. Третий - самый быстрый - атаковал сбоку, целя в колено.

Александр блокировал удар голенью, развернулся и нанёс два быстрых удара - в солнечное сплетение и в челюсть. Боец рухнул.

Первый поднялся и снова пошёл в атаку. Александр встре-

тил его локтем - и тот остался лежать.

Тридцать секунд. Трое противников. Ноль попаданий по Александру.

- Достаточно, - сказал инструктор. - Волков, зайдите ко мне после душа.

Александр кивнул, снял перчатки и направился к выходу с арены. Проходя мимо зеркальной стены, он мельком взглянул на своё отражение - и на пол под ногами.

Тени не было.

Три года. Он проверял каждый день. Каждое утро, вставая с кровати. Каждый вечер, ложась спать. При разном освещении, под разными углами. Тени не было - никогда.

Медицинские тесты ничего не показали. Генетические анализы - чисто. Психологические экспертизы - норма, с поправкой на боевой стресс. Физически Александр Волков был полностью здоровым мужчиной тридцати девяти лет - в прекрасной форме, с отличными рефлексам и стабильной психикой.

Но тени у него не было.

И ещё кое-что.

Он слышал Голос.

Не постоянно - эпизодически. Раз в несколько недель, иногда раз в несколько месяцев. Тихий шёпот на границе сознания, говорящий на языке, которого Александр не знал, но каким-то образом понимал.

«Ты - мой», - говорил Голос. - «Ты - семя. Ты прорастёшь,

когда придёт время. Жди».

Александр не рассказывал об этом никому. Ни врачам, ни психологам, ни командирам. Он знал, чем заканчиваются такие разговоры: списание по медицинским показаниям, комиссия, досрочная пенсия. Он не мог этого допустить. Армия была единственным, что у него осталось.

И ещё - «Орион».

«Орион» завербовал его через полгода после Сирии. Сначала - как консультанта по безопасности. Потом - как оперативника. Потом - как инструктора. «Орион» не задавал лишних вопросов. «Орион» интересовало только одно: эффективность. А Александр был эффективен - гораздо эффективнее, чем до Сирии.

Его рефлексы стали быстрее. Его интуиция - острее. Он чувствовал опасность за секунду до того, как она возникала. Он видел в темноте почти как днём. И он никогда не уставал - точнее, уставал, но мог функционировать без сна по трое суток без потери концентрации.

Он знал, что это - часть сделки. Часть того, что сделало с ним Эхо.

И он знал, что однажды придёт время платить по счетам.

Инструктор - его звали полковник Моррис, сухой, жилистый, с лицом, изрезанным морщинами как старая карта - ждал Александра в своём кабинете. На столе стояли два стакана с водой и открытая папка с грифом «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО».

- Садись, Волков.

Александр сел.

- Твои показатели за последний месяц, - Моррис пододвинул к нему распечатку. - Скорость реакции: на сорок процентов выше нормы. Выносливость: за гранью измеримого. Точность стрельбы: девяносто девять и восемь. Я сорок лет в этом деле, Волков. Я видел хороших бойцов. Я видел отличных. Я даже видел пару гениев. Но ты...

Он замолчал, подбирая слова.

- Ты - что-то другое.

- Я просто тренируюсь, сэр.

- Нет. Ты не просто тренируешься. Три года назад у тебя были нормальные показатели. Выше среднего, но нормальные. А потом - Сирия. Ранение. Ты должен был умереть там, Волков. Все это знают. Ты был в эпицентре взрыва, ты получил пулю в плечо, ты потерял три литра крови. Но ты выжил. И не просто выжил - ты стал быстрее, сильнее, выносливее.

- Повезло.

Моррис посмотрел на него долгим взглядом.

- Везение - это когда ты выигрываешь в лотерею. То, что случилось с тобой, - это не везение. Это аномалия. И я знаю, что ты знаешь это. Я читал твоё личное дело. Я видел фотографии.

- Какие фотографии?

- Те, где у тебя нет тени.

Александр напрягся, но промолчал.

- Я не знаю, что с тобой произошло в Сирии, - продолжал Моррис. - И, честно говоря, мне плевать. Ты - лучший оперативник, который у нас есть. Но это не моё дело. Моё дело - подготовить тебя к миссии.

- К какой миссии?

Вместо ответа Моррис протянул ему папку.

Александр открыл её.

На первой странице была фотография - та самая спутниковая карта, которую Анна видела на планшете агента Росс. Марианская впадина. Аномалия на дне. Объект, которого там не должно быть.

- Это - твоя цель, - сказал Моррис. - Директор Кейн собирает экспедицию. Через тридцать шесть часов ты спускаешься на дно. Твоя задача - охрана гражданского специалиста. Женщина. Лингвист. Она - ключ к расшифровке объекта.

- Что за объект?

- Мы не знаем. Но он активен. Он передаёт сигналы. И он... реагирует на людей. Три члена экипажа «Гекаты» вступили с ним в контакт. Один исчез. Двое спаслись, но их психическое состояние нестабильно. Один из выживших, связист Ким, перед эвакуацией сказал странную вещь. Он сказал: «Там, на дне, есть город. И он знает наши имена».

- Город?

- Город. Построенный двести миллионов лет назад. Не людьми. И не теми, кто похож на людей.

Александр перевернул страницу. Там была распечатка

аудиодорожки - те самые формулы, которые Анна видела на планшете Лео.

- Это язык?

- Да. И твой гражданский специалист - единственная, кто может его прочитать.

- А почему я?

- Потому что она - мозг миссии. А ты - её щит. И потому что, - Моррис сделал паузу, - ты уже имел контакт с подобным объектом. Не так ли?

Александр промолчал.

- В твоём деле сказано, - продолжал Моррис, - что в Сирии ты столкнулся с неопознанным артефактом. Что после этого контакта у тебя исчезла тень. Что твои биометрические показатели изменились. Мы не знаем, что именно произошло. Но мы знаем, что ты - единственный человек, который пережил контакт и стал сильнее. Это делает тебя уникальным активом.

- Или угрозой.

- Или угрозой. Поэтому у тебя будет двойная задача. Охранять специалиста. И наблюдать за объектом. Если объект начнёт... влиять на тебя - ты должен доложить. Если объект попытается использовать тебя - ты должен противодействовать. Если ты перестанешь быть собой...

- Что тогда?

Моррис достал из ящика стола небольшой пластиковый контейнер. Внутри был шприц-тюбик с прозрачной жидко-

стью.

- Это - протокол «Чистый лист». Если ты выйдешь из-под контроля, гражданский специалист имеет право применить это. Быстро, безболезненно, через пятнадцать секунд ты перестанешь существовать.

Александр смотрел на шприц.

- Специалист знает об этом?

- Нет. И не должна. Это - страховка, о которой знаем только мы. И я надеюсь, что она не понадобится.

Александр закрыл папку.

- Когда я с ней встречусь?

- Через три часа. Она уже летит в Женеву. Её зовут Анна Новак. Доктор Анна Новак. Ей тридцать шесть. Лингвист. Синестет. Видит структуру языка как физический объект. Кейн считает, что она - единственная, кто может расшифровать сигнал.

- Она гражданская?

- Да.

- Она готова к погружению?

- Нет. И ты должен сделать так, чтобы она выжила.

Александр кивнул.

- Когда вылет?

- Завтра в восемь утра. А пока - приведи себя в порядок. Ты выглядишь как человек, который не спал трое суток.

- Я и не спал.

- Знаю. Поэтому иди. Приказ.

Александр встал и направился к двери. У порога он остановился.

- Полковник, - сказал он, не оборачиваясь. - Тот артефакт. В Сирии. Вы знаете, что это было?

Моррис помолчал.

- Мы не уверены. Но есть гипотеза. Он был частью сети. Сети, охватывающей всю планету. Тринадцать точек, тринадцать терминалов. Сирийский артефакт был повреждён и не функционировал. Но Марианский - функционирует. И он - главный.

- Сеть для чего?

- Для управления реальностью, Волков. Если наша гипотеза верна - то, что лежит на дне, может переписать законы физики. Или стереть нас из истории. В любом случае - спокойной ночи.

Александр вышел в коридор.

Под потолком горели лампы. Он посмотрел на пол.

Тени не было.

Он сжал кулаки и пошёл в казарму - ждать встречи с женщиной, которую ему приказано защищать. И, если понадобится, убить.

Три часа спустя он стоял в дверях комнаты ожидания в штабе «Ориона» и смотрел на Анну Новак.

Она была не такой, как он ожидал. Никакого строгого костюма, никакой академической чопорности. Простая одежда - джинсы, свитер, волосы собраны в небрежный пучок. Глаза

уоставшие, но цепкие - глаза человека, который привык смотреть на вещи глубже, чем другие.

Она нервничала. Он видел это по тому, как она сжимала и разжимала пальцы, как бегали её глаза по комнате. Но страха в ней не было. Только напряжение - и любопытство.

- Доктор Новак, - сказал Кейн. - Познакомьтесь. Это майор Александр Волков. Ваша охрана на время миссии.

Она посмотрела на него. Их взгляды встретились.

И в этот момент что-то произошло.

Его тень - та самая, которой не было три года - на мгновение появилась. Не под ним. Рядом с ним. Как будто два силуэта - его и её - наложились друг на друга, создав единую форму.

Анна моргнула - и тень исчезла.

Но он знал: она заметила. Она видела то, чего не должны были видеть посторонние.

- Доктор, - сказал он. - Надеюсь, вы не боитесь глубины.

- Боюсь, - ответила она. - Но не глубины. Темноты.

Он кивнул, будто понял что-то.

- Это ничего. Там, куда мы идём, темноты нет. Только свет. Так мне сказали.

- Кто?

Он не ответил.

Но внутри него - на самой границе сознания - снова зашептал Голос.

«Это она, - сказала Эхо. - Тринадцатая. Та, кто может ви-

деть. Та, кто может писать. Береги её, Александр. Она - наша последняя надежда. Или наша погибель. Это решится скоро».

Александр смотрел на Анну и видел: она тоже слышит что-то. Не Голос - но что-то. Её глаза на мгновение расфокусировались, как у человека, слушающего далёкую музыку.

- С вами всё в порядке? - спросила она.

- Да. А с вами?

- Станный вопрос.

- Станный день.

Она чуть улыбнулась - впервые за всё время.

- Это точно.

Кейн кашлянул, прерывая их диалог.

- Я оставлю вас знакомиться. Через час - брифинг. Через двенадцать часов - вылет. Майор, доктор - удачи.

Он вышел. Анна и Александр остались вдвоём.

- Вы были в Сирии? - спросила она.

Он напрягся.

- Почему вы спрашиваете?

- У вас акцент. Я слышу такие вещи. Это моя работа.

- Да. Был.

- И вы... изменились там?

Он посмотрел ей прямо в глаза.

- Да.

- Как?

Он поколебался. Инстинкт требовал молчать - всё, что

касалось Сирии, было засекречено, скрыто, похоронено. Но что-то в её взгляде - прямой, беззащитный, ищущий - заставило его ответить иначе.

- Я умер там, - сказал он. - И воскрес. А вы?

Она не удивилась. Только кивнула, будто ожидала такого ответа.

- Я ещё не умирала. Но, кажется, скоро придётся.

Они стояли друг напротив друга - женщина, которая видела язык как здание, и мужчина, потерявший тень. Две аномалии. Два ключа. Два инструмента в игре, правил которой они ещё не знали.

- Майор Волков, - сказала Анна. - Как вы думаете, мы вернёмся оттуда?

- Откуда?

- Из Города.

Он помедлил.

- Я не думаю о таких вещах.

- А о чём вы думаете?

- О том, как выполнить задачу.

- А после?

- После - следующая задача.

Она покачала головой.

- Так нельзя жить.

- Знаю, - сказал он. - Но по-другому не умею.

За стеной, в серверном зале штаба, компьютеры «Ориона» продолжали обрабатывать сигнал, идущий из Марианской

впадины. Сигнал усиливался с каждым часом. Его структура усложнялась. В нём появлялись новые слои - послания, адресованные не человечеству в целом, а конкретным людям.

Одно из них было адресовано Анне.

Второе - Александру.

И оба они гласили одно и то же:

«Приходите. Я жду. Семьдесят семь дней. Семьдесят семь ступеней. Семьдесят семь строк. Вы - семьдесят восьмая. Пишите».

Ночью, в гостевой комнате «Ориона», Александр не спал.

Он сидел на кровати, глядя в темноту - ту самую темноту, которую Анна боялась. Но он не боялся. Он привык к ней. Темнота была его укрытием, его союзником, его единственным свидетелем.

Он думал о Сирии. О пуле, застывшей в воздухе. О зеркальном существе, назвавшем себя Эхом. О сделке, которую он заключил, не понимая условий.

«Ты - мой инструмент», - сказала Эхо. - «Ты - семя. Ты прорастёшь, когда придёт время».

Теперь время пришло.

Александр чувствовал это. Чувствовал, как что-то внутри него - не физическое, не ментальное, а какое-то третье, чему не было названия - пробуждается. Как будто три года он был в спячке, и вот теперь, с каждым часом, с каждой минутой, проведённой рядом с Анной, спячка заканчивалась.

Он посмотрел на свою руку.

В темноте комнаты, без единого источника света, его пальцы светились. Слабо, едва заметно - голубоватым, как образец со дна Марианской впадины.

Он сжал кулак - свечение погасло.

Завтра они летят на край мира. Завтра они спустятся туда, где время течёт иначе. Завтра они встретят Город.

Анна будет расшифровывать его язык.

Александр будет защищать её.

А Эхо будет ждать - ждать момента, когда можно будет потребовать долг.

Александр лёг на кровать и закрыл глаза.

Где-то в глубине Тихого океана, на глубине одиннадцати тысяч метров, Город распахивал свои ворота.

И где-то в центре галактики, за миллионы световых лет отсюда, Создатели - те, кто написал Хронику, - начинали просыпаться.

Обратный отсчёт продолжался.

До коррекции оставалось семьдесят шесть дней.

ГЛАВА 4. «ОРИОН»

Штаб-квартира «Ориона» в Женеве выглядела именно так, как должна выглядеть организация, которой нет.

Официально корпорация «Орион» арендовала два этажа в небоскрёбе на улице Мира - скучный офис, где сорок клерков занимались логистикой морских грузоперевозок. Скучный сайт. Скучные пресс-релизы. Скучная бухгалтерия. Ес-

ли бы кто-то захотел проверить - а такие находились, журналисты и конкуренты, - он бы нашёл идеально чистую, идеально легальную, идеально пустую компанию.

Настоящий «Орион» находился в тридцати километрах от Женева, в толще горного массива Юра. Бывший военный бункер, построенный в шестидесятых годах на случай ядерной войны, был выкуплен через подставные фонды и перестроен в ультрасовременный комплекс, напичканный оборудованием, какого не было даже у ведущих технологических корпораций. Лаборатории. Серверные. Тренировочные залы. Жилые блоки. Медицинский центр. И подземный ангар, вмещающий три самолёта, способных долететь до любой точки планеты без дозаправки.

Всё это Анна узнала на следующее утро после прибытия - не из официального брифинга, а из обрывочных разговоров, случайных фраз и того, что она видела своими глазами, когда её вели по коридорам комплекса.

Сейчас она сидела в конференц-зале на третьем подземном уровне. Зал был похож на операционный центр космического корабля: панорамные экраны на стенах, голографические проекторы, ряды терминалов. За длинным овальным столом расположились пятнадцать человек - ядро команды, которую Кейн собирал для экспедиции.

Анна сидела в середине стола. Александр - справа от неё, на расстоянии вытянутой руки, как и положено телохранителю. Он не говорил, не двигался, почти не дышал - просто

был, как скала, о которую разбиваются волны.

Кейн стоял во главе стола, спиной к главному экрану, на котором медленно вращалась трёхмерная проекция Марианской впадины. Вид у него был такой, будто он не спал неделю - но голос звучал твёрдо, без признаков усталости.

- Леди и джентльмены, - начал он. - То, что я вам сейчас расскажу, находится за гранью любого допущения, который у вас есть. Это не потому, что я вам не доверяю. Это потому, что до сегодняшнего дня эта информация не существовала в природе. Всё, что вы услышите, - результат последних тридцати шести часов. Вопросы пока не задавать. Сначала - полная картина. Потом - ваши роли. Потом - вопросы.

Он коснулся сенсорной панели. Проекция Марианской впадины увеличилась, показывая детализацию, от которой захватывало дух: каждый уступ, каждая расселина, каждый камень на дне были видны с разрешением в несколько сантиметров.

- Это - карта дна, - сказал Кейн. - Построена по данным наших спутников за последние десять лет. Гравиметрия, магнитометрия, спектральный анализ. Мы знали, что там аномалия. Знали давно. Но только вчера мы поняли, что именно мы искали.

Он увеличил участок прямо под станцией «Геката».

И Анна увидела Город.

Это было невозможно. Это противоречило всему - геологии, истории, здравому смыслу. Но это было там: сеть улиц,

расходящихся радиально от центральной структуры, похожей на купол или собор. Геометрически правильных, симметричных, спроектированных - не природой, а разумом.

- Объект занимает площадь примерно в сто сорок квадратных километров, - продолжал Кейн. - Он построен из материала, который мы не можем идентифицировать. Наши спектрографы не видят его - как будто его нет. Но гравиметрия фиксирует. Гравитация над объектом на ноль три процента выше, чем вокруг. Это немного, но достаточно, чтобы понять: там что-то есть. Что-то массивное. Что-то, что нарушает законы физики.

- Это невозможно, - сказал кто-то из присутствующих. Анна повернулась и увидела мужчину лет пятидесяти, в военной форме с нашивками инженерных войск. - Гравитация не меняется просто так. Для этого нужна масса. Чтобы создать такую аномалию, нужен объект размером с гору.

- Или объект, который использует технологию, нам неизвестную, - спокойно ответил Кейн. - Да, полковник, это невозможно. Но оно есть.

Он переключил проекцию. Теперь на экране была аудиодорожка - те самые формулы, которые Анна видела на планшете Лео.

- Вчера, в три часа сорок семь минут по Гринвичу, станция «Геката» вступила в контакт с объектом. Зонд, поднявший образец породы, задел капсулу - контейнер, который мы теперь идентифицируем как спусковой механизм. Капсула

активировалась. Началась передача. Сигнал идёт до сих пор - и он усиливается.

- Что за сигнал? - спросила Анна.

Кейн посмотрел на неё.

- Язык. Или что-то, что мы принимаем за язык. Доктор Новак - единственный человек на планете, который может его расшифровать. Именно поэтому она здесь.

Все взгляды обратились к ней. Анна выдержала их - не потому, что была уверена в себе, а потому, что привыкла к публичности. Годы лекций в пустом зале научили её одному: когда на тебя смотрят, говори так, будто ты знаешь, о чём говоришь.

- Я видела часть сигнала, - сказала она. - Это не язык в привычном смысле. Это не последовательность фонем, не грамматическая структура, не синтаксис. Это... математика. Но математика, организованная как лингвистическая система. Где уравнения - это предложения. Где интегралы - это глаголы. Где константы - это имена собственные.

- И что оно говорит? - спросил полковник.

- Я пока не знаю. Но могу попробовать расшифровать, если у меня будет доступ к полной записи и вычислительным мощностям.

- У вас будет всё, - сказал Кейн. - Но позже. Сначала - миссия.

Он сменил изображение. Теперь на экране была схема: батискаф, спускающийся в бездну.

- Экспедиция «Посейдон». Цель - спуститься в Город, проникнуть в центральную структуру и вступить в прямой контакт с объектом. Команда: пять человек. Доктор Новак - лингвистический анализ. Майор Волков - безопасность. Остальные трое - лучшие специалисты в своих областях.

Он по очереди указал на них.

- Капитан Хидэо Такахаси. Пилот батискафа. Семь лет глубоководных погружений. Знает Марианскую впадину лучше, чем кто-либо.

Хидэо - японец лет сорока пяти, сухощавый, с обветренным лицом и спокойными глазами - коротко кивнул.

- Доктор Мари Дюбуа. Морской биолог. Специалист по экстремофилам. Работала на «Гекате» три года назад. Знает станцию и её системы.

Мари - женщина с короткой стрижкой и быстрым, нервным взглядом - улыбнулась, но улыбка вышла натянутой.

- Доктор Эрик Свенссон. Инженер. Спроектировал половину систем жизнеобеспечения «Гекаты». Если что-то сломается на глубине - он починит.

Эрик - бородатый швед с руками, перепачканными машинным маслом даже сейчас, в конференц-зале - поднял руку в шутливом салюте.

- Итого - пять человек, - подытожил Кейн. - Старт - через двадцать четыре часа. Погружение - четыре часа. Работа на глубине - по обстановке, но не более сорока восьми часов. Всплытие - четыре часа. Общее время миссии - трое суток.

- Сорок восемь часов на глубине одиннадцать тысяч метров? - переспросил Эрик. - Это безумие. Никто никогда не проводил столько времени под таким давлением.

- Батискаф спроектирован с тройным запасом прочности, - ответил Кейн. - Системы жизнеобеспечения дублированы дважды. Плюс аварийная капсула. Если что-то пойдёт не так - вы всплываете. Но вы должны успеть. Потому что, - он сделал паузу, - время у нас ограничено.

- Чем? - спросила Анна.

Кейн посмотрел на неё - и она увидела в его глазах то, чего не видела раньше. Страх.

- Сигнал, - сказал он. - Он усиливается. Но это не просто передача. Это... обратный отсчёт.

Он вывел на экран новую проекцию. Теперь это была спираль - та самая последовательность Фибоначчи, которую Анна видела на картине в комнате ожидания. Но здесь она была дополнена числами, датами, координатами.

- Семьдесят семь дней, - сказал Кейн. - Это число фигурирует в сигнале снова и снова. Семьдесят семь дней, семьдесят семь ступеней, семьдесят семь строк. Наши аналитики считают, что это - таймер. Через семьдесят семь дней что-то произойдёт. Что-то, что изменит всё.

- Что именно? - спросил Александр - впервые за всё время брифинга.

Кейн помедлил.

- Мы не знаем. Но сигнал содержит многократное повто-

рение концепта, который наши системы переводят как «коррекция». Или «исправление». Или... «удаление».

В зале повисла тишина.

- Удаление чего? - спросила Мари.

- Всего, - ответил Кейн. - Так мы интерпретируем. Объект - это не просто запись. Это - система управления реальностью. И она считает человечество ошибкой. Ошибкой, которая должна быть исправлена.

После брифинга Анна сидела в отведённой ей комнате и пыталась переварить услышанное.

Комната была маленькой, но функциональной: кровать, стол, стул, шкаф, экран на стене. Никаких окон - под землёй их не предусмотрено. Вместо окна - экран, транслирующий вид на Женевское озеро. Сейчас там шёл дождь, и капли стекали по виртуальному стеклу.

Она думала о своём сыне.

Его звали Миша. Ему было пять лет, когда он умер. Лейкемия. Восемь месяцев лечения, три ремиссии, один рецидив - и конец. Тихий, серый, несправедливый. Анна держала его руку, когда он уходил, и чувствовала, как вместе с ним уходит что-то в ней самой - способность верить в порядок, в справедливость, в смысл.

После его смерти она погрузилась в работу. Языки стали её убежищем - единственным местом, где был порядок. Фонетические законы работали всегда. Грамматические структуры были логичны. Семантические поля были исчислимы.

В языке не было хаоса - или, вернее, хаос был, но он подчинялся правилам.

А теперь ей говорили, что сама реальность - это язык. Что существует система, которая записала всё сущее. Что человечество - ошибка в этой системе. И что ошибка должна быть исправлена.

В дверь постучали.

- Войдите.

Это был Александр. Он стоял на пороге, заполняя собой дверной проём - не угрожающе, а как-то основательно, как будто он был частью конструкции здания.

- Не помешаю?

- Уже помешали. Но заходите.

Он вошёл и остался стоять у стены.

- Как вы? - спросил он.

- А вы как думаете?

- Думаю, паршиво. Но вы держитесь.

- А что мне ещё остаётся?

Он не ответил. Они помолчали.

- Зачем вы пошли на это? - спросила Анна. - В Сирию, я имею в виду. Тогда, три года назад.

Александр чуть заметно пожал плечами.

- Приказ.

- Это не ответ.

- Другого нет. Я солдат. Мне говорят - я делаю.

- И всё?

- И всё.

- Врёте.

Он посмотрел на неё - и впервые в его глазах что-то мелькнуло. Не раздражение. Скорее - признание. Как будто он оценил её способность видеть сквозь слова.

- Ладно, - сказал он. - Я пошёл в Сирию, потому что хотел умереть.

Анна ожидала многого, но не этого.

- Почему?

- Потому что жить было незачем. Я потерял всё, что имело значение. Семью. Друзей. Веру в то, что я делаю что-то правильное. Оставалась только функция. Солдат. Инструмент. Оружие. Я думал: если я погибну, выполняя приказ, это будет хотя бы осмысленно.

- Но вы выжили.

- Да. - Он помолчал. - И стало ещё хуже. Потому что теперь я не мог даже умереть. Я стал... аномалией. Тем, кого система не видит. Призраком.

Анна смотрела на него. Его лицо было спокойным, но под этим спокойствием она чувствовала бездну - ту же бездну, которая была в ней самой. Бездну потери. Бездну одиночества. Бездну вопросов без ответов.

- У меня был сын, - сказала она. - Он умер. Пять лет назад. После этого я перестала бояться.

- Чего?

- Всего. Смерти. Боли. Одиночества. Когда теряешь самое

дорогое, всё остальное - мелочь.

Александр кивнул. Он не сказал «сочувствую» - и она была благодарна за это. Сочувствие было пустым звуком, ещё одной грамматической конструкцией без смысла.

- Мы спустимся туда, - сказал он. - На дно. В этот Город. И, возможно, не вернёмся. Вы готовы?

- Я готова к тому, что не вернусь. Я не готова к тому, что мы вернёмся - и ничего не изменится.

- Изменится, - сказал он. - Уже меняется. Разве вы не чувствуете?

Она чувствовала. С того самого момента, как она впервые увидела спектрограмму сигнала, с того самого момента, как Голос заговорил с ней, - что-то в мире сдвинулось. Как будто реальность была картиной, которая раньше висела ровно, а теперь накренилась на долю градуса. Незаметно для глаза - но ощутимо для души.

- Я хочу спросить вас кое о чём, - сказала Анна. - Там, на брифинге, вы спросили: «Удаление чего?» Но вы уже знали ответ. Не так ли?

Александр помолчал.

- Я слышал... кое-что. В Сирии. Когда умирал. Голос сказал мне, что человечество - ошибка. Что нас должны удалить. Я не знал, верить ли.

- Теперь верите?

- Теперь я знаю. То, что вы слышали, то, что я слышал, - это одно и то же. Один источник. Один сигнал.

- Хроника.

- Да.

Они снова замолчали. Дождь на экране усилился.

- Завтра мы спускаемся, - сказала Анна. - Вы будете рядом?

- Я буду рядом. Это моя работа.

- И только?

Он посмотрел на неё - долгим, изучающим взглядом.

- Нет, - сказал он наконец. - Не только.

И вышел, оставив её одну с дождём и мыслями.

Настоящий брифинг начался через час.

Не тот, официальный, с картами и проекциями. А настоящий - в маленькой переговорной без окон, где собрались только члены экспедиции: Анна, Александр, Хидэо, Мари, Эрик. Кейн отсутствовал. Это была их первая встреча как команды - без начальства, без протоколов, без прикрас.

- Давайте знакомиться по-настоящему, - сказал Хидэо. - Мы проведём вместе трое суток в консервной банке на глубине, где давление раздавит нас быстрее, чем мы успеем моргнуть. Я хочу знать, кто рядом со мной.

Он говорил с лёгким акцентом, но его английский был безупречен - результат семи лет работы в международных экспедициях.

- Я начну, - сказал он. - Хидэо Такахаси. Сорок шесть лет. Пилот. Семь глубоководных миссий, три аварийных всплытия, одна потеря станции. Тогда погибли двое. Я был за

штурвалом. Меня оправдали, но я знаю, что мог сделать больше. Я здесь, чтобы доказать себе, что я не трус.

Мари вздохнула.

- Мари Дюбуа. Сорок три года. Морской биолог. Работала на «Гекате» три года назад. У меня была дочь. Она умерла от генетического заболевания, которое нельзя вылечить. После этого я ушла в глубину - в прямом смысле. Там, на дне, нет людей. Нет болезней. Нет потерь. Только жизнь в её самой примитивной форме. И теперь эта жизнь... заговорила.

Эрик почесал бороду.

- Эрик Свенссон. Инженер. Пятьдесят два года. Построил половину того, на чём мы завтра спустимся. Если что-то сломается - починю. Если не смогу починить - взорву. Шучу. Или нет. - Он усмехнулся. - У меня нет трагической истории. Я просто люблю свою работу. И я хочу увидеть Город. Просто увидеть. Этого достаточно.

Все посмотрели на Анну.

- Анна Новак. Лингвист. Тридцать шесть лет. Я слышу языки. Вижу их структуру. И то, что лежит на дне, - это язык. Я не знаю, кто его написал. Но я знаю, что он хочет что-то сказать. И я хочу понять - что.

Александр заговорил последним.

- Александр Волков. Безопасность. Тридцать девять лет. Был в Сирии. Потерял там всё. И нашёл кое-что другое. Я здесь, чтобы защищать вас. Всех. Если придётся - ценой жизни. Это не героизм. Это функция.

Хидэо посмотрел на него оценивающе.

- Вы уже теряли людей?

- Да.

- Сколько?

- Двадцать три человека за три кампании.

- И как вы с этим живёте?

Александр помедлил.

- Никак.

В комнате повисла тишина - не неловкая, а какая-то честная. Каждый из них носил свою бездну. Каждый из них пришёл сюда не только по долгу службы.

- Ладно, - сказал Хидэо. - Теперь техническая часть. Я расскажу о батискафе. Вы должны знать, на чём мы идём.

Он включил планшет и вывел на экран трёхмерную модель.

- «Посейдон». Глубоководный аппарат четвёртого поколения. Корпус - титановый сплав с керамическим покрытием. Рассчитан на глубину до двенадцати тысяч метров - у нас есть запас. Двадцать три метра в длину, семь в ширину. Три отсека: носовой - кабина пилота и пункт управления, средний - лаборатория и жилой модуль, кормовой - технический. Автономность - семь суток по воздуху, трое по воде. Двигатели - электрические, питание от компактного реактора.

- Реактора? - переспросила Мари. - На борту ядерный реактор?

- Микрореактор. Безопасный. В случае аварии отключа-

ется автоматически. Но да, мы везём с собой кусок солнца.

- Прекрасно, - пробормотал Эрик. - Солнце на дне океана.

Поэтично.

- Дальше, - продолжал Хидэо. - Системы жизнеобеспечения. Замокнутый цикл. Кислород - из воды, электролизом. Углекислый газ - в картриджи. Вода - опреснитель. Еда - концентраты, их хватит на неделю. Всё дублировано. Если откажет основная система - включается аварийная. Если откажет аварийная - есть ручное управление. Если откажет всё...

- Мы умрём? - спросила Анна.

- Нет. Мы всплываем. Аварийная капсула на двоих. Сбрасывается с корпуса и идёт на поверхность. Но она рассчитана на двоих. Нас пятеро.

Снова тишина.

- Значит, если что-то пойдёт не так, - тихо сказала Мари, - трое останутся.

- Мы все знали, на что шли, - сказал Хидэо. - Я не заставлял никого подписываться. Но раз вы здесь - вы должны знать правду.

- Я знаю, - сказал Александр.

- Я тоже, - сказал Эрик. - Я проектировал эту капсулу. Знаю её вдоль и поперёк. Если что - я останусь. Мне всё равно.

- Почему? - спросила Анна.

- Потому что я уже пожил. А вы - нет.

Никто не нашёлся, что ответить.

Вечером того же дня Анна сидела в лаборатории, подключившись к серверам «Ориона» через защищённый терминал. Перед ней была полная запись сигнала - все девятнадцать часов непрерывной передачи, разбитые на спектрограммы, таблицы, графики.

Она работала.

Это было то, что она умела лучше всего, - погружаться в язык, как в океан, и плыть сквозь его структуры, находя закономерности, связи, смыслы. Она забыла о времени, о месте, о завтрашнем погружении. Был только язык - и она.

Чем глубже она погружалась, тем яснее становилась картина.

Это был не просто сигнал. Это была... инструкция.

Она видела команды - не на машинном коде, а на языке, который был старше любой машины. Команды, описывающие, как построить реальность. Как задать физические константы. Как определить параметры пространства-времени. Как создать материю из информации.

Это был язык творения.

И в нём была ошибка.

Строка 77.

Анна нашла её через четыре часа работы - крошечный фрагмент кода, отличающийся от остального текста. Как пропущенная запятая в генетическом коде. Как опечатка в формуле Вселенной.

Ошибка.

Человечество.

Она откинулась на спинку стула и закрыла глаза.

В голове звучал Голос - тот самый, что говорил с ней в аудитории Торонто.

«Ты - тринадцатая. Ты можешь видеть. Ты можешь писать. Напиши исправление. Напиши альтернативу. Напиши ложь, которая станет правдой».

Но как написать то, что убедит систему древнее самой Земли? Как создать ложь, которую примет Хроника?

Она не знала.

Пока не знала.

Дверь лаборатории открылась. Вошёл Кейн.

- Доктор Новак. Вы ещё здесь?

- А где мне быть?

- Спать. Завтра тяжёлый день.

- Я не могу спать.

Кейн подошёл к терминалу и посмотрел на экран.

- Вы нашли что-то?

- Я нашла всё, - сказала Анна. - И ничего. Я знаю, что это язык творения. Я знаю, что в нём есть ошибка. Я знаю, что ошибка - это мы. Но я не знаю, как её исправить.

- Узнаете. - Кейн помолчал. - Вы верите в Бога, доктор Новак?

- Вы уже спрашивали.

- И вы ответили «нет». Это хорошо.

- Почему?

- Потому что завтра вы встретите тех, кто создал этот мир. И вам будет легче, если вы не будете путать их с богами.

Он вышел.

Анна осталась одна в лаборатории, глядя на экран, где пульсировала строка 77.

Ошибка.

Человечество.

Она.

Ночь перед стартом Александр провёл в оружейной.

Он проверял снаряжение: гидрокостюм с подогревом, дыхательную маску, аварийный маяк, нож, аптечку. Оружия он не брал - на глубине одиннадцать тысяч метров стрелять не в кого. Но он взял кое-что другое: маленький керамический цилиндр, который носил на груди с момента выписки из госпиталя после Сирии.

Внутри цилиндра был осколок.

Тогда, три года назад, когда пуля застыла в воздухе и Эхо говорило с ним, он заметил кое-что на песке. Маленький чёрный фрагмент, похожий на обсидиан. Когда он подобрал его - всё ещё находясь в том странном застывшем моменте, - осколок впился ему в ладонь и рассыпался, оставив крошечную частицу под кожей.

Эхо сказала тогда: «Это - семя. Я посеял его в тебе. Когда придёт время - оно прорастёт».

Три года Александр носил это семя в себе. Оно не болело, не беспокоило, не росло. Но сегодня - впервые - он почув-

ствовал его.

Цилиндр на груди нагрелся.

Александр открыл его. Внутри лежал крошечный чёрный осколок - такой же, какой он нашёл в Сирии. И он светился.

Тем же голубоватым светом, что и образец со дна Марианской впадины.

Тем же светом, что и формулы на стенах «Гекаты».

Тем же светом, что и глаза Анны, когда она слушала Голос.

- Время пришло, - прошептал Александр.

Осколок мигнул - и погас.

Где-то в глубине Тихого океана Город открывал свои ворота.

До старта оставалось шесть часов.

До коррекции - семьдесят шесть дней.

ГЛАВА 5. «ПОГРУЖЕНИЕ»

Стартовая площадка находилась на атолле Улити - крошечном клочке суши в западной части Тихого океана, в тысяче двухстах километрах от Марианской впадины. Атолл был необитаем - официально. Неофициально здесь располагалась одна из баз «Ориона»: взлётно-посадочная полоса, способная принимать транспортные самолёты, глубоководный порт и плавучая платформа, с которой осуществлялись погружения.

Анна стояла на краю платформы и смотрела на океан.

Рассвет только начинался - солнце ещё пряталось за горизонтом, но небо уже наливалось оранжевым и розовым. Вода была спокойной, почти стеклянной, и в ней отражались облака, создавая иллюзию, что платформа висит между двумя небесами.

Она не спала всю ночь. После разговора с Кейном она вернулась в лабораторию и проработала до четырёх утра, пытаюсь расшифровать хотя бы малую часть сигнала. Ей удалось выделить три слоя.

Первый слой был математическим - чистая структура, уравнения, описывающие физические законы. Это был фундамент, скелет языка.

Второй слой был историческим - запись событий, дат, последовательностей. Анна не могла прочитать его полностью, но она видела фрагменты: рождение звёзд, формирование планет, появление жизни. Это была Хроника в прямом смысле слова - летопись всего сущего.

Третий слой был... личным. Послания, адресованные конкретным адресатам. Анна не знала, сколько их всего, но она видела два. Одно было адресовано ей. Второе - Александру.

Текст её послания состоял из одной строки: «Ты - тринадцатая. Ты можешь писать. Пиши».

Текст послания Александра был длиннее, и часть его Анна не смогла расшифровать. Но начало она прочитала: «Ты - семья. Ты прорастёшь. Когда придёт время, ты станешь ключом».

Она не рассказала об этом Александру. Пока не рассказала.

- Красиво.

Она обернулась. Александр стоял в нескольких шагах позади неё. Он был уже в гидрокостюме - чёрном, облегающем, с серебристыми вставками терморегуляции. На поясе висел пояс с инструментами. На груди - небольшой цилиндр на цепочке.

- Вы о рассвете? - спросила Анна.

- О нём. И об океане. Я не часто видел море. Всё больше пустыни.

- Сирия?

- Сирия. Афганистан. Ирак. Там нет океанов. Только песок.

- Песок тоже красив.

- Песок - это то, что остаётся, когда всё умирает.

Анна промолчала. Она не знала, что ответить человеку, который видел столько смертей.

- Пора, - сказал Александр. - Хидэо ждёт.

Она кивнула и пошла за ним к батискафу.

«Посейдон» выглядел не так, как Анна представляла.

Она ожидала увидеть нечто похожее на подводную лодку - вытянутый цилиндр с иллюминаторами и винтами. Но батискаф был другим. Он напоминал гигантскую каплю ртути, застывшую в невесомости: обтекаемый, гладкий, без единого выступа. Корпус переливался в лучах восходящего солн-

ца, меняя цвет от тёмно-серого к серебристому.

Эрик стоял у открытого люка и проводил последнюю проверку систем.

- Доброе утро, - сказал он, не отрываясь от планшета. - Точнее, доброе. Погружение через двадцать минут. Я уже проверил всё трижды. Если что-то сломается - это будет не моя вина.

- А чья? - спросила Анна.

- Божья. Или тех, кто построил Город. С ними я ещё не знаком.

Он ухмыльнулся, но ухмылка вышла нервной. Анна заметила, что у него дрожат руки - не от страха, а от возбуждения. Эрик был из тех людей, которые оживают только перед лицом опасности.

Мари уже сидела внутри, в среднем отсеке, проверяя биологические сканеры. Её лицо было бледным, но сосредоточенным.

- Как вы? - спросила Анна.

- Держусь. - Мари помолчала. - Знаете, что самое странное? Я работала на «Гекате». Знала Элиаса Вана. Мы дружили. А теперь он... исчез. Растворился. И я лечу туда же, чтобы понять, что с ним случилось. Это безумие.

- Безумие - это когда нет выбора. А у нас он есть.

- Вы правда так думаете?

Анна не ответила.

Хидэо уже сидел в кресле пилота, проверяя навигацион-

ные системы. Его лицо было спокойным, как море перед штормом.

- Доктор Новак, - сказал он, не оборачиваясь. - Ваше место - в среднем отсеке, слева от лабораторной панели. Там лучший обзор. Майор Волков - справа от вас. Мари и Эрик - в кормовом. Все пристёгиваются. Погружение будет жёстким на первых двух тысячах метров - термоклин, плотностные скачки. Потом станет спокойнее.

Анна заняла своё место. Кресло было мягким, но надёжным - анатомической формы, с пятиточечными ремнями. Перед ней располагался иллюминатор - круглое окно из толстого кварцевого стекла, способного выдержать давление в тысячу атмосфер.

Александр сел справа. Их плечи почти соприкасались.

- Готовы? - спросил он тихо.

- Нет, - ответила она. - А вы?

- Я никогда не бываю готов. Но это неважно.

Хидэо включил интерком.

- Экипаж, доклад о готовности.

- Кормовой отсек, Мари - готов.

- Кормовой отсек, Эрик - готов.

- Средний отсек, Анна - готова.

- Средний отсек, Александр - готов.

- Носовой отсек, Хидэо - готов. Начинаю отсчёт. Десять.

Девять. Восемь.

Анна закрыла глаза.

- Семь. Шесть. Пять.

Она вспомнила лицо сына. Его улыбку. Его голос.

- Четыре. Три. Два.

Она открыла глаза.

- Один. Погружение.

Батискаф вздрогнул и начал опускаться.

Первые сто метров были почти неосязаемы.

«Посейдон» погружался медленно, со скоростью около метра в секунду - быстрее было нельзя из-за перепадов давления. Анна смотрела в иллюминатор и видела, как вода меняет цвет: от бирюзового к синему, от синего к тёмно-синему. Солнечный свет проникал всё хуже, и вскоре за стеклом воцарилась та самая темнота, которую она боялась.

Но темнота не была полной.

На глубине трёхсот метров начался фосфоресцирующий планктон - мириады микроскопических существ, светящихся голубоватым и зелёным. Они создавали иллюзию звёздного неба, только звёзды здесь были живыми, движущимися, танцующими в такт течениям.

- Красиво, - прошептала Анна.

- Да, - согласился Хидэо по интеркому. - Глубинный планктон. Редкое явление. Обычно он не поднимается так близко к поверхности. Что-то его потревожило.

- Что?

- Не знаю. Возможно, сигнал со дна.

Батискаф продолжал погружаться.

На тысяче метров вода стала абсолютно чёрной. Планктон исчез. Единственным источником света были прожекторы «Посейдона» - два мощных луча, пронзающих тьму на сотню метров вперёд.

И в этих лучах Анна начала видеть странное.

Ей казалось, что вода... смотрит на неё.

Нет, не вода. Что-то в воде. Какие-то сгустки, тени, силуэты - на границе видимости, там, куда свет прожекторов уже не доставал, а темнота ещё не полностью поглощала. Они двигались, меняли форму, исчезали и появлялись снова.

- Хидэо, - сказала она. - Вы видите это?

- Что именно?

- Справа от нас. На периферии света.

Пауза.

- Я ничего не вижу, - ответил пилот. - Мари, проверь сканеры.

- Сканеры чисты, - ответила Мари. - Никаких биологических объектов крупнее пяти сантиметров. Только планктон и микрочастицы.

- Но я вижу, - настаивала Анна.

Александр повернулся к ней.

- Что именно вы видите?

- Не знаю. Как будто... лица.

- Чьи лица?

- Я не знаю. Я не узнаю их. Но они смотрят на меня.

Александр посмотрел в иллюминатор. Его лицо остава-

лось бесстрастным, но рука невольно сжалась в кулак.

- Это началось, - сказал он тихо.

- Что началось?

- Контакт. Город знает, что мы идём. Он... приветствует нас. Или предупреждает.

- О чём?

- О том, что мы не первые. И, возможно, не последние.

На глубине трёх тысяч метров батискаф вошёл в термо-
клин.

Это было похоже на удар. «Посейдон» содрогнулся, за-
скрежетал корпусом, и на мгновение все системы мигнули.
Анну вдавило в кресло - ремни сработали, удержав её. Алек-
сандр схватился за поручень, но остался спокоен.

- Термоклин, - объяснил Хидэо. - Граница между тёплыми
поверхностными водами и холодными глубинными. Плот-
ность меняется скачкообразно. Мы прошли. Дальше будет
спокойнее.

- Вы называете это спокойнее? - спросила Мари. Её голос
дрожал.

- Дальше - да. Сейчас давление за бортом около трёхсот
атмосфер. На дне будет больше тысячи. Но корпус держит.
Держал всегда. Будет держать и сейчас.

Анна посмотрела на Александра.

- С вами всё в порядке?

- Да. Просто ещё одно испытание.

- Вы проходили через такое раньше?

- Я проходил через худшее.

Батискаф продолжал спускаться. Глубина четыре тысячи метров. Пять тысяч. Шесть.

На каждой тысяче метров Анна замечала, что тьма за бортом становилась другой. Не просто отсутствием света - а чем-то почти осязаемым. Как будто пространство за стеклом было не пустым, а заполненным какой-то субстанцией, которая поглощала не только свет, но и звук, и мысли, и само время.

И снова эти силуэты.

Теперь Анна видела их чаще. Они стали ближе, отчётливее. Она различала формы - не человеческие, но и не совсем чуждые. Как будто кто-то пытался воссоздать людей по памяти, но ошибался в деталях. Слишком длинные конечности. Слишком большие глаза. Слишком плавные движения.

- Мари, - сказала она. - Я снова их вижу.

- Я по-прежнему ничего не фиксирую, - ответила Мари.

- Может быть, это оптическая иллюзия. Свет преломляется в воде, создаёт...

- Это не иллюзия, - перебил Александр.

Все замолчали.

- Я тоже их вижу, - сказал он. - И я знаю, что это.

- Что? - спросила Анна.

- Эхо. Отражения. Следы тех, кто был здесь до нас. Двенадцать цивилизаций, которые спускались на дно. Они все оставили свой отпечаток. И теперь они смотрят на нас. Ждут - пройдем мы или нет.

- Откуда вы знаете?

Александр коснулся цилиндра на груди.

- Мне сказали.

Глубина восемь тысяч метров.

Давление за бортом - восемьсот атмосфер. Температура - два градуса Цельсия. Полная темнота.

Батискаф продолжал спускаться, но теперь Анна чувствовала, что что-то изменилось. Не снаружи - внутри. Внутри неё самой.

Голос вернулся.

Не шёпот, не далёкое эхо - а ясный, отчётливый, как будто кто-то стоял у неё за спиной и говорил прямо в ухо.

«Ты приближаешься. Я чувствую тебя. Ты - тринадцатая. Ты - Автор».

Анна вздрогнула и оглянулась. Никого.

- Что случилось? - спросил Александр.

- Вы слышите?

- Что?

- Голос.

- Нет. Но я чувствую. Что-то изменилось.

- Да. Мы вошли в зону действия, - сказал Хидэо. - Смотрите.

Он указал на навигационный экран. Там, на цифровой карте дна, в сотне метров под ними, проступали контуры Города.

Теперь Анна видела его не как проекцию, а живую - через

прожекторы батискафа. Это было... невозможно. Нереально. Прекрасно и ужасающе.

Город раскинулся на дне океана, как гигантская мандала - радиальные улицы, концентрические круги, геометрические структуры. Здания были не построены, а... выращены? Вырезаны? Выплавлены? Они напоминали кораллы и кристаллы одновременно - острые грани, плавные изгибы, арки и купола. И все они светились.

Тем же голубоватым светом, что и образец на «Гекате».

Тем же светом, что и формулы на стенах.

Тем же светом, что и осколок в цилиндре Александра.

- Боже, - прошептала Мари. - Что это?

- Это Город, - ответил Хидэо. - Тот самый. Мы на месте.

- Нет, - сказала Анна. - Мы только входим.

Батискаф миновал невидимую границу - и вдруг тьма за бортом расступилась.

Город включил свет.

Не прожекторы, не лампы - сама вода засветилась, как будто каждая молекула стала источником фотонов. И в этом свете Анна увидела Город во всём его величии.

Он был живым.

Здания дышали. Улицы изгибались, как мускулы. Купола пульсировали в такт - в такт чему? Сердцебиению? Дыханию? Или обратному отсчёту, который звучал где-то на границе слышимости?

- Семьдесят шесть, - прошептала Анна.

- Что? - спросил Александр.

- Обратный отсчёт. Я слышу его. Он звучит в Городе. Семьдесят шесть дней. Семьдесят шесть дней до коррекции.

- Мы успеем.

- Должны.

«Посейдон» начал снижаться к центральной площади - туда, где возвышался купол, похожий на собор.

Зал Хроник ждал их.

Посадка заняла двадцать минут.

Хидэо мастерски провёл батискаф через лабиринт подводных улиц, ориентируясь по сигналам, которые теперь шли непрерывно - не угрожающие, а направляющие. Город хотел, чтобы они сели точно в центре.

Когда шасси коснулись дна - мягко, почти нежно, - Анна почувствовала странное облегчение. Они добрались. Они здесь.

- Давление за бортом - тысяча сто атмосфер, - доложил Хидэо. - Температура - ноль восемь. Состав воды - стандартный. Примесей нет. Радиационный фон - в норме. Можно выходить.

- Выходить? - переспросила Мари. - Прямо сейчас?

- У нас сорок восемь часов, - сказал Хидэо. - Чем раньше начнём, тем больше успеем.

Эрик уже проверял шлюзовую камеру.

- Системы в норме. Внешние скафандры готовы. Кто первый?

- Я, - сказал Александр.

Он встал и направился к шлюзу. У входа он остановился и посмотрел на Анну.

- Доктор Новак. Вы готовы?

- К чему?

- Увидеть то, что никто не видел двести миллионов лет.

- Готова.

- Тогда пошли.

Шлюзовая камера была тесной - двое помещались с трудом. Анна и Александр стояли лицом друг к другу, пока автоматика нагнетала давление. Их шлемы почти соприкасались.

- Я боюсь, - сказала Анна. Она не планировала признаваться, но слова вырвались сами.

- Я тоже, - ответил Александр.

- Вы? Боитесь?

- Каждый раз. Страх - это нормально. Ненормально - когда страха нет. Тогда ты уже не человек.

- А вы - человек?

Он помолчал.

- Я был им когда-то. Надеюсь, что ещё остался.

Внешний люк открылся.

Перед ними был Город.

Анна первой ступила на поверхность.

Точнее, не на поверхность - дна как такового не было. Улицы Города были вымощены тем же материалом, что и

здания, - гладким, тёплым на ощупь (насколько можно было судить через перчатку скафандра), слегка вибрирующим. Как будто под ногами билось сердце.

Она подняла голову - и ахнула.

Над Городом не было воды.

Точнее, вода была, но она не давила. Какой-то силовой купол - или что-то иное, чему Анна не знала названия, - удерживал тысячеатмосферное давление на расстоянии. Они стояли на дне океана, но могли дышать - теоретически. Анна не собиралась снимать шлем, чтобы проверить.

- Это... - начала она, но не нашла слов.

- Да, - согласился Александр. - Это.

Из шлюза вышли остальные. Мари застыла, глядя на светящиеся купола. Эрик присвистнул - звук исказился в динамиках. Хидэо молчал, но его дыхание, слышное по интеркому, стало чаще.

- Ладно, - сказал Эрик. - Я инженер. Я не верю в чудеса. Но это... это чудо.

- Нет, - сказала Анна. - Это технология. Просто очень, очень древняя.

- Какая технология может удерживать океан?

- Та, что создала саму реальность.

Она пошла вперёд.

Улица вела к центральному куполу - Залу Хроник. По бокам возвышались здания, каждое из которых было украшено символами. Анна узнавала их - это были те же формулы,

которые она расшифровывала в лаборатории, только теперь они были трёхмерными, живыми, пульсирующими светом.

Некоторые здания были разрушены - но не временем, а чем-то иным. Как будто их разорвали изнутри. Как будто они взорвались, но взрыв застыл, не дойдя до конца.

- Это следы коррекций? - спросила Мари.

- Да, - ответила Анна. - Двенадцать коррекций. Двенадцать цивилизаций. Каждая оставила свой след.

- И мы - тринадцатые.

- Да.

Они подошли к куполу. Он был огромен - метров триста в диаметре, - и его поверхность переливалась, как мыльный пузырь, но при этом была твёрдой на ощупь.

В центре купола был вход - арка, достаточно высокая, чтобы в неё вошёл батискаф.

И над аркой - надпись.

На языке, которого не существовало.

Анна прочитала её.

- «Зал Хроник. Входящий - знай: здесь записано всё. То, что было. То, что есть. То, что будет. Только Автор может изменить запись. Только тринадцатый может стать Автором. Входи - если осмелишься».

- Это приглашение? - спросил Александр.

- Или предупреждение.

- Я не вижу разницы.

Они вошли.

Зал Хроник не был зданием в привычном смысле.

Внутри купола не было пола, стен, потолка - только пространство, заполненное светом. Не ярким, не слепящим - мягким, золотистым, как свет летнего вечера. И в этом свете плавали колонны.

Сотни, тысячи колонн из чистого света, уходящие в бесконечность. Каждая колонна была записью - Анна понимала это без объяснений. Хроника. История Вселенной, разбитая на фрагменты, на главы, на строки.

А в центре зала, там, где колонны сходились в круг, стоял Саркофаг.

Он был чёрным - абсолютно чёрным, как осколок, который Александр носил на груди. И он пульсировал.

- Это оно, - прошептала Анна. - Сердце. Ядро. Источник сигнала.

- Не подходите близко, - сказал Александр.

- Я должна. Я - единственная, кто может его прочитать.

- Вы не знаете, что случится.

- Именно поэтому я должна.

Она сделала шаг к Саркофагу. Потом ещё один. И ещё.

Свет вокруг неё начал меняться. Колонны зашевелились, закружились, как планеты вокруг солнца. Символы на них засветились ярче.

Голос зазвучал снова - но теперь он был не в голове. Он звучал повсюду.

«Ты пришла. Тринадцатая. Автор. Прикоснись - и узна-

ешь всё».

- Анна! - Александр шагнул к ней. - Остановитесь!

Но она не остановилась.

Она подошла к Саркофагу. Протянула руку.

И коснулась его.

Мир взорвался светом.

Она видела всё.

Рождение Вселенной - сингулярность, взрыв, расширение. Формирование галактик. Рождение звёзд. Планеты. Земля. Первая жизнь. Эволюция. Динозавры. Падение астероида. Млекопитающие. Приматы.

И параллельно - другое.

Город. Создатели. Существа из света, пришедшие из центра Галактики. Они построили Хронику. Они записали реальность. Они засеяли Землю жизнью - эксперимент, попытка создать нечто новое.

И они создали людей.

Но люди были ошибкой.

Не по плану. Не по проекту. Случайная мутация, не предусмотренная кодом. Строка 77. Аномалия.

Создатели пытались исправить ошибку. Они запускали коррекции: динозавры были первой, Атлантида - двенадцатой. Но каждый раз что-то мешало. Каждый раз коррекция срабатывала не до конца.

Теперь они мертвы, Создатели. Их цивилизация погибла. Но Хроника осталась. И она продолжает выполнять прото-

кол.

Коррекция неизбежна.

Если только не появится Автор - тот, кто сможет переписать код. Не удалить ошибку, а сделать её частью плана.

«Ты - тринадцатая, - сказал Голос. - Ты можешь писать. Пиши».

Анна открыла глаза.

Она лежала на полу Зала Хроник. Над ней склонился Александр.

- Анна! Вы слышите меня?

- Да, - прошептала она. - Я видела.

- Что?

- Всё. Я видела всё.

Она села. Голова кружилась, но мысли были ясны - яснее, чем когда-либо.

- Мы - ошибка, - сказала она. - Но ошибку можно исправить. Не удалить - переписать.

- Как?

- Я не знаю. Пока не знаю. Но я узнаю. У нас есть семьдесят шесть дней.

Она встала и посмотрела на Саркофаг.

Он больше не пульсировал.

Он ждал.

Эрик погиб через час.

Это случилось, когда они исследовали боковой зал - одну из галерей, отходящих от центрального купола. Стены гале-

реи были покрыты фресками: история двенадцати цивилизаций, их расцветы и падения.

Эрик подошёл к одной из фресок - той, что изображала людей-амфибий, живших в Триасовом периоде, - и коснулся её.

- Эрик, не надо! - крикнула Анна, но было поздно.

Стена поглотила его.

Не физически - его тело осталось стоять, но его глаза закатились, а рот открылся в беззвучном крике. Свечение стены усилилось, охватило его, и через секунду он исчез.

Растворился.

Только голос остался - голос, звучащий из стен.

«Я здесь. Я вижу. Я - часть Хроники. Не бойтесь. Это прекрасно».

- Эрик! - Мари бросилась к стене, но Александр удержал её.

- Поздно, - сказал он. - Он вошёл в систему. Теперь он - часть записи.

- Мы должны его вытащить!

- Нельзя. Он сам выбрал. Он коснулся - и Хроника приняла его.

Анна смотрела на стену. Фреска изменилась: теперь среди фигур людей-амфибий появилась новая - фигура человека в скафандре. Эрик стал частью истории.

«Идите дальше, - сказал голос Эрика. - Найдите строку 77. Исправьте её. Я помогу, чем смогу. Здесь, внутри, я ви-

жу данные. Я вижу код. Семьдесят семь строк. Семьдесят семь ступеней. Семьдесят семь дней. Успеете - если поторопитесь».

- Мы успеем, - сказала Анна. - Спасибо, Эрик.

- Спасибо, - прошептала Мари. По её щекам текли слёзы.

Они пошли дальше - втроём: Анна, Александр, Мари. Хидэо остался у батискафа, поддерживая связь.

Впереди была строка 77.

Впереди была разгадка.

До коррекции оставалось семьдесят шесть дней.

ГЛАВА 6. «ПОРОГ»

После гибели Эрика они шли молча.

Галерея уходила вглубь Города - прямая, как луч света, и бесконечная, как сама память. Стены по обе стороны были покрыты фресками, и каждая рассказывала историю. Не человеческую - другую. Историю тех, кто жил до людей, кто строил цивилизации, кто проходил через этот же Зал и принимал свой приговор.

Анна видела их всех.

Первая цивилизация - разумные кристаллы, росшие в толще земной коры триста миллионов лет назад. Они общались вибрациями и строили города из чистой геометрии. Создатели сочли их слишком статичными, слишком медленными, неспособными к развитию. Коррекция номер один: кристаллы были растворены в магме.

Вторая цивилизация - полупрозрачные медузы, парившие в океанах Ордовика. Они пели песни, длившиеся тысячелетиями, и не знали насилия. Создатели сочли их слишком пассивными, неспособными к экспансии. Коррекция номер два: океаны были заморожены на миллион лет.

Третья, четвёртая, пятая - всё новые формы жизни, всё новые эксперименты, всё новые провалы. Анна шла мимо фресок и чувствовала, как её сердце наполняется холодом. Не страхом - пониманием. Каждая цивилизация была по-своему совершенна. И каждая была уничтожена не потому, что была плоха, а потому, что не соответствовала какому-то критерию, которого сами Создатели, возможно, не понимали до конца.

- Это безумие, - прошептала Мари. Она шла позади Анны, прижимая к груди планшет с данными. - Они уничтожили столько жизней...

- Они не уничтожали, - ответила Анна. - Они корректировали. Исправляли эксперимент. Как садовник, который выпалывает сорняки.

- Мы для них - сорняки?

- Мы для них - строка 77. Ошибка в коде. И они запланировали её исправление.

- Но они же мертвы. Ты сама сказала - Создатели погибли.

- Да. Но Хроника осталась. И она выполняет программу. Как машина, которая продолжает работать после смерти оператора.

Александр шёл впереди. Он не смотрел на фрески - он смотрел вперёд, в темноту, которая не расступалась даже в свете прожекторов. Его рука лежала на поясе, где висел инструментарий, но Анна знала: если что-то случится, он будет действовать быстрее, чем любой инструмент.

- Стойте, - сказал он вдруг.

Анна и Мари замерли.

- Что? - спросила Анна.

- Свет. Впереди.

Она посмотрела поверх его плеча. Галерея заканчивалась - не стеной, а проёмом, за которым клубился золотистый туман. Такой же свет, как в Зале Хроник, но более плотный, более насыщенный. Он двигался, как живой, перетекая сам через себя, образуя узоры и снова рассыпаясь.

- Что это? - спросила Мари.

- Порог, - ответила Анна. Она не знала, откуда взялось это слово - оно просто всплыло в сознании, как будто кто-то вложил его туда. - Граница между внешним Городом и ядром. Дальше - только Автору.

- Что значит «только Автору»? - Александр обернулся к ней.

- Я не знаю. Я просто... чувствую. Там, за туманом, - центр управления. Место, где была написана Хроника. Место, где её можно переписать.

- Тогда идём.

- Нет.

Он остановился.

- Что?

- Я пойду одна.

- Это не обсуждается. Я отвечаю за вашу безопасность.

- Александр, - Анна впервые назвала его по имени без формальностей, - вы не понимаете. Порог пропустит только того, кто может читать язык. Только Автора. Всех остальных он... отвергнет.

- Что значит «отвергнет»?

- Как Эрика. Или хуже.

Они стояли друг напротив друга - мужчина без тени и женщина, видевшая язык как здание. Между ними, в нескольких шагах, клубился золотой туман.

- Я не могу вас отпустить, - сказал Александр.

- А я не могу взять вас с собой. Это не ваша битва.

- Это битва всех. Вы сами сказали: через семьдесят шесть дней нас не станет. Всех. Если вы не справитесь - смысла в моей защите не будет.

Анна хотела возразить, но он продолжил:

- Вы - ключ. Я - щит. Так было задумано. Не Кейном, не «Орионом». Кем-то другим. Тем, кто говорил со мной в Сирии. Тем, кто говорил с вами в Торонто. Мы - две части одной миссии. И разделяться сейчас - значит провалить её.

- Откуда вы знаете?

- Я не знаю. Я верю.

Мари сделала шаг вперёд.

- Я тоже пойду.

- Мари...

- Эрик погиб, - сказала она тихо. - Он был моим другом.

Мы работали вместе пять лет. И теперь он - часть этой стены, часть этой истории. Я не могу просто стоять и ждать. Я должна увидеть, чем всё закончится.

Анна посмотрела на них - на Александра, неподвижного, как скала, и Мари, дрожащую, но решительную. Они были готовы идти за ней в неизвестность. Они верили ей.

И она поняла, что не может их оставить.

- Хорошо, - сказала она. - Идём вместе. Но держитесь рядом. И не касайтесь ничего, пока я не скажу.

Она повернулась к Порогу и сделала шаг.

Золотой туман расступился перед ней, как занавес.

По другую сторону Порога не было ни Города, ни океана, ни Земли.

Анна стояла на платформе из света - бесконечной, уходящей во все стороны, без стен, без потолка, без горизонта. Вокруг неё, насколько хватало глаз, простиралось пространство, заполненное звёздами. Но это были не те звёзды, что она знала, - не Солнце, не Сириус, не Полярная звезда. Это были звёзды, которых не существовало.

- Где мы? - спросила Мари. Её голос звучал глухо, как сквозь толстую ткань.

- Мы внутри Хроники, - ответила Анна. - Не в физическом пространстве. В информационном. Это - центр управления.

- Почему он выглядит как космос?

- Потому что Хроника управляет не одной планетой. Она управляет всей реальностью. Всеми звёздами, всеми галактиками, всеми мирами. Мы видим карту. Карту всего существующего.

Александр оглядывался. Его рука сжимала рукоять ножа - единственного оружия, которое он взял с собой.

- Где Саркофаг? - спросил он.

- Дальше. В центре.

Они пошли по платформе. Шаги отдавались странным эхом - не звуковым, а световым. Каждый шаг порождал круги на поверхности, как будто они шли по воде.

По мере продвижения звёзды вокруг них начали меняться. Они гасли. Одна за другой, как свечи на ветру. И каждая погасшая звезда оставляла после себя чёрный провал - абсолютную пустоту.

- Что происходит? - спросила Мари.

- Коррекции, - ответила Анна. - Эти звёзды - миры, которые были удалены. Двенадцать цивилизаций. Двенадцать коррекций. Двенадцать погасших звёзд.

- А мы - тринадцатая?

- Да.

- И что случится с нами?

Анна остановилась.

Перед ними, в центре платформы, возник Саркофаг.

Он был точно таким же, как в Зале Хроник - чёрным, глад-

ким, пульсирующим. Но теперь он был открыт.

Крышка отъехала в сторону, и изнутри поднимался столб света - не голубого, не золотого, а белого. Чистого, как первый свет творения.

- Оно ждёт, - сказала Анна.

- Кто - «оно»? - спросил Александр.

- Хроника. Или то, что от неё осталось. Или то, что в ней проснулось.

Она подошла ближе. Свет из Саркофага не слепил - он обволакивал, проникал сквозь скафандр, сквозь кожу, сквозь мысли.

Голос зазвучал снова - но теперь он был не внутри, а снаружи. Он исходил из Саркофага, из света, из самих звёзд.

«Ты прошла Порог. Ты - тринадцатая. Ты - Автор. Теперь ты увидишь всё».

И Анна увидела.

Это не было похоже на видение, на сон, на галлюцинацию. Это было похоже на то, как если бы кто-то открыл файл в её сознании и запустил воспроизведение.

Она увидела Создателей.

Они были не такими, как она представляла. Не гуманоиды, не энергетические сущности, не бесплотные духи. Они были... архитекторами. В прямом смысле. Их тела были сложены из геометрических форм - кубов, сфер, пирамид, тетраэдров, - которые постоянно двигались, перестраивались, создавали новые конфигурации. Они были живой математи-

кой, воплощённой геометрией.

И они строили.

Анна видела, как они создают реальность. Не взрывом, не магией, не божественным словом - а методично, шаг за шагом, как инженеры собирают самый сложный механизм. Они задавали физические константы. Определяли параметры пространства-времени. Калибровали силы: гравитацию, электромагнетизм, сильное и слабое взаимодействия. Они прописывали законы - и законы начинали работать.

Это было творение. В самом буквальном смысле.

Анна видела, как они создали Землю. Как они засеяли её жизнью - первой, примитивной, одноклеточной. Как они запрограммировали эволюцию: мутации, отбор, адаптацию. Как они настроили параметры: кислородная атмосфера, углеродная биохимия, двойная спираль ДНК.

И как они ошиблись.

Ошибка была в строке 77.

Анна видела её - крошечный фрагмент кода, отвечающий за развитие нервной системы. Параметр был задан неверно. Вместо коллективного разума, который должны были развить земные организмы, - единой сети, подключённой к Хронике напрямую, - возник индивидуальный разум. Отдельные сознания. Личности.

Люди.

Создатели заметили ошибку не сразу. Когда заметили - было поздно. Люди уже распространились по планете. Они

строили, воевали, любили, умирали. Они были хаосом в системе, непредсказуемой переменной в просчитанном эксперименте.

Создатели попытались исправить ошибку. Они запускали коррекции - двенадцать раз за двести миллионов лет. Но каждый раз что-то шло не так. То ли код был повреждён, то ли Хроника давала сбой, то ли сама реальность сопротивлялась. В итоге Создатели погибли - их цивилизация была уничтожена собственной войной, о которой Анна увидела лишь смутные образы: раскол, предательство, информационное оружие, обратившееся против создателей.

Но Хроника осталась.

И она продолжала считать.

Семьдесят семь дней.

Шестьдесят миллионов секунд.

Одна ошибка.

«Ты - Автор, - сказал Голос. - Ты можешь переписать строку 77. Не удалить человечество, а сделать его частью плана. Доказать, что индивидуальный разум - не ошибка, а цель. Что Создатели не ошиблись - они просто не дождались результата».

- Как? - спросила Анна. - Как переписать код, который старше Земли?

«Ты знаешь. Ты всегда знала. Твой дар - не случайность. Ты была создана для этого. Ты - тринадцатая. Ты - ключ».

Свет погас.

Анна обнаружила, что стоит на коленях перед Саркофагом, а её лицо мокро от слёз - не горя, а потрясения.

- Анна! - Александр был рядом, держал её за плечи. - Что вы видели?

- Всё, - прошептала она. - Я видела сотворение мира. И я знаю, что делать.

- Что?

- Писать.

Она встала и подошла к Саркофагу вплотную.

Столб света внутри него начал менять цвет - с белого на голубой, с голубого на золотой, с золотого на тот самый оттенок, который она видела на спектрограмме в Торонто. Цвет языка творения.

- Мне нужен доступ, - сказала она. - Полный доступ к коду.

«Ты получишь его. Но цена велика. Тот, кто пишет в Хронике, оставляет в ней часть себя. Свою память. Свою личность. Свою связь с реальностью. Ты можешь не вернуться».

- Я знаю.

- Нет, - Александр шагнул вперёд. - Вы не будете этого делать.

- У меня нет выбора.

- Выбор есть всегда. Вы сами говорили.

- Это другое.

- Почему?

- Потому что я - единственная, кто может. Потому что, если я не сделаю этого сейчас - через семьдесят шесть дней

не будет никого. Ни вас, ни меня, ни Мари, ни Хидэо, ни семи миллиардов людей на поверхности. Будет только пустая планета и Хроника, отсчитывающая дни до следующего эксперимента.

Александр смотрел на неё. Его лицо было каменным, но в глазах что-то дрогнуло.

- Тогда я пойду с вами, - сказал он.

- Вы не можете. Вы не Автор.

- Я - аномалия. Меня нет в Хронике. Я могу быть вашим якорем. Тем, кто удержит вас, когда вы начнёте терять себя.

Анна хотела возразить, но поняла: он прав. Она видела это - в структуре кода, в архитектуре языка. Чтобы переписать Хронику, нужен был не только Автор, но и Якорь. Тот, кто останется снаружи и будет держать связь.

- Хорошо, - сказала она. - Но, если я начну исчезать, вы должны отпустить.

- Я не отпущу.

- Тогда я не пойду.

Они стояли друг против друга - двое упрямых людей на краю реальности. Мари молча смотрела на них, не вмешиваясь.

- Ладно, - сдался Александр. - Если вы начнёте исчезать, я... подумаю.

- Этого достаточно.

Анна повернулась к Мари.

- Возвращайтесь к Хидэо. Ждите нас. Если через сорок

восемь часов мы не вернёмся - всплывайте. Расскажите им всё. Пусть готовятся.

- К чему?

- К тому, что будет, если у нас не получится.

Мари кивнула. Её глаза блестели от слёз, но она держалась.

- Удачи, - сказала она. - Обоим.

Она развернулась и пошла обратно, к Порогу. Золотой туман поглотил её - и она исчезла.

Анна и Александр остались вдвоём.

- Готовы? - спросила она.

- Нет.

- Тогда пошли.

Она взяла его за руку.

И они шагнули в свет.

Внутри Хроники не было времени.

Точнее, время было - но оно текло иначе. Анна не знала, сколько прошло: минуты, часы, годы. Она висела в пространстве чистого кода, окружённая символами, которые были старше любого языка.

Александр был рядом - она чувствовала его присутствие, как тепло на границе восприятия. Он держал её. Держал связь с реальностью.

Анна начала писать.

Это было не похоже на письмо в человеческом смысле - ни ручка, ни клавиатура, ни голосовой ввод. Это было похо-

же на... лепку. Она брала символы - огромные, светящиеся, живые - и переставляла их, меняла их форму, соединяла по-новому.

Строка 77 была перед ней.

Она выглядела как цепочка ДНК, но вместо нуклеотидов в ней были уравнения. Вместо аденина - гравитационная постоянная. Вместо тимина - скорость света. Вместо гуанина - заряд электрона. Вместо цитозина - постоянная Планка.

И в одном месте цепочка была разорвана.

Ошибка.

Индивидуальный разум.

Анна начала плести.

Она не удаляла ошибку - она встраивала её в код. Она писала новую строку, в которой индивидуальный разум был не багом, а фичей. Не отклонением, а целью. Человечество - не ошибка. Человечество - результат.

Но это было трудно.

Каждый символ, который она меняла, отнимал у неё что-то. Не физическую силу - память. Она чувствовала, как воспоминания уходят: лицо матери, запах осеннего парка, вкус кофе на утренней лекции. Одно за другим, они растворялись в коде, становясь частью новой строки.

- Александр, - прошептала она. - Я теряю себя.

- Я здесь, - ответил он. Его голос звучал издали, но он был. - Держитесь за меня.

Она держалась.

И продолжала писать.

Сколько прошло времени? Час? Год? Вечность?

Анна больше не знала своего имени.

Она помнила, что она - Автор, что у неё есть задача, что она должна закончить строку. Но кто она? Как её звали? Где она жила? Была ли у неё семья, друзья, дом?

Всё ушло.

Осталась только работа.

Она плела код, и код становился частью её, а она - частью кода. Граница между ней и Хроникой размывалась. Она становилась системой. Система становилась ею.

- Анна!

Голос. Далекий, знакомый, важный. Кто это? Почему он зовёт её? Анна - это она? Или это имя кого-то другого?

- Анна, держитесь!

Она обернулась - не физически, а как-то иначе, в пространстве кода, - и увидела его. Мужчина. Высокий, широкоплечий, со шрамом через бровь. Он держал её за руку. У него не было тени.

- Вы - Александр, - сказала она. Слова давались с трудом.

- Вы - мой Якорь.

- Да. И я не отпущу.

- Я почти закончила. Ещё немного.

- Я жду.

Она повернулась к строке и внесла последнее изменение.

Строка 77 засияла новым светом - не голубым, не золо-

тым, а тёплым, живым, человеческим. Она больше не была ошибкой. Она была частью симфонии.

И Хроника приняла её.

«Правка внесена. Строка 77 исправлена. Статус: человечество признано частью проекта. Коррекция отменена».

Голос звучал иначе - не холодно, не равнодушно, а почти... радостно.

«Ты сделала это, Автор. Ты - тринадцатая. Ты - первая, кто прошёл».

Анна улыбнулась.

И потеряла сознание.

Она очнулась на полу Зала Хроник.

Над ней горел свет - мягкий, золотистый. Рядом на коленях стоял Александр. Его лицо было бледным, но он улыбался - впервые за всё время их знакомства.

- Получилось, - сказал он. - Вы сделали это.

- Мы сделали, - поправила она.

Она села. Голова кружилась, в висках стучало, но мысли были ясными. Она помнила. Не всё - что-то исчезло навсегда, что-то стало частью Хроники. Но главное осталось.

Человечество спасено.

Коррекция отменена.

Строка 77 исправлена.

Александр помог ей встать. Они стояли посреди Зала, и вокруг них колонны света кружились в медленном танце, как будто празднуя победу.

- Нужно возвращаться, - сказала Анна. - Хидэо и Мари ждут.

- Да. Пора домой.

Они пошли к выходу - через галерею, мимо фресок, на которых теперь была тринадцатая картина: люди, стоящие на пороге новой эры. У выхода их встретили Мари и Хидэо.

- Вы живы! - Мари бросилась обнимать Анну. - Я уже думала...

- Всё в порядке, - сказала Анна. - Всё закончилось.

- Нет, - сказал Александр.

Все обернулись к нему.

Он стоял у входа в Зал и смотрел наверх. Анна проследила за его взглядом.

Купол над Городом, удерживающий океан, начал светиться. Не голубым, не золотым - тревожным, алым светом.

И из глубин донёсся звук.

Низкий, вибрирующий, на самой границе слышимости.

- Что это? - спросила Мари.

Анна побледнела.

- Это не конец, - прошептала она. - Это только начало.

Алый свет усилился.

И Голос - тот самый, что говорил с ней, - произнёс:

«Протокол "Адам" активирован. Полная перезагрузка Хроники. Объект: всё живое. Отсчёт: семьдесят семь часов».

Анна почувствовала, как земля уходит из-под ног.

Она исправила ошибку.

Но активировала нечто гораздо худшее.

ГЛАВА 7. «ЛАБИРИНТ»

Алый свет заливал Город, как кровь, разлитая по стеклу.

Анна стояла у входа в Зал Хроник и смотрела на купол.

Минуту назад он был прозрачным, переливающимся золотом и голубизной. Теперь он пульсировал багровым, и каждый удар этой пульсации отдавался в её теле - не болью, а чем-то более глубоким, первобытным, как страх, вписанный в ДНК.

- Протокол «Адам», - прошептала она. - Я активировала его.

- Что это значит? - спросила Мари. Её голос дрожал.

- Полная перезагрузка. Не коррекция. Не удаление одной строки. Стирание всего и запуск с нуля. Как будто... как будто стереть жёсткий диск и переустановить систему.

- Зачем? Зачем это предусмотрено?

- На случай, если коррекции не сработают. Если ошибка окажется слишком глубокой. «Адам» - это последний рубеж. Чистый лист. Новая Земля. Без нас.

Александр молчал. Он стоял чуть поодаль, глядя на алый купол, и его лицо было похоже на маску - твёрдое, неподвижное, без единой эмоции. Но Анна уже научилась читать его молчание. Он не был спокоен. Он был в ярости.

- Сколько? - спросил он. Только одно слово.

- Семьдесят семь часов.

- Не дней?

- Часов. Протокол «Адам» работает быстрее. Коррекция шла по плану, размеренно. А это - аварийная процедура. Около трёх суток. Может, меньше.

Мари закрыла лицо руками. Хидэо, стоявший рядом с ней, положил руку ей на плечо - молчаливый жест поддержки от человека, который сам едва держался.

- Мы должны вернуться на «Посейдон», - сказал он. - Связь с поверхностью потеряна после активации протокола. Но если мы всплывём, мы сможем предупредить.

- Предупредить о чём? - спросила Мари. - Что всё конечно?

- Что всё только начинается, - ответила Анна.

Она повернулась к Залу Хроник. Там, внутри, колонны света всё ещё кружились, но теперь их движение стало хаотичным, беспорядочным, как муравьи в разорённом муравейнике. Саркофаг пульсировал алым, и от него расходились волны, искажающие пространство.

- Там, внутри, есть ответы, - сказала она. - Я чувствую. Протокол «Адам» - это программа. У любой программы есть код. Если я смогу найти его и переписать...

- Вы едва выжили в прошлый раз, - перебил Александр. - Вы потеряли часть памяти. Часть себя. Если вы войдёте снова, вы можете потерять всё.

- Если я не войду, мы потеряем всё. Разница есть?

Он не ответил.

- Мне нужно больше данных, - продолжала Анна. - Протокол «Адам» активирован, но он не завершён. Хроника дала нам семьдесят семь часов. Почему? Почему не мгновенно? Должна быть причина. Должен быть способ остановить.

- Или это просто отсрочка казни, - сказал Хидэо. - Чтобы мы успели осознать.

- Нет. Хроника не жестока. Она - машина. Машины не дают отсрочек из милосердия. Если есть задержка - значит, есть процесс. А если есть процесс - его можно прервать.

Она направилась обратно в Зал.

- Анна! - Александр шагнул за ней.

- Не останавливайте меня.

- Я и не собираюсь. Я иду с вами.

- Я тоже, - сказала Мари.

- Нет, - Анна обернулась. - Мари, Хидэо - возвращайтесь на батискаф. Проверьте системы. Попробуйте восстановить связь с поверхностью. Если мы не вернёмся через два часа - всплывайте. Расскажите Кейну всё. Пусть готовит... что-нибудь. Я не знаю что. Но пусть готовит.

- А если вы не вернётесь? - спросила Мари.

- Тогда мы сделали всё, что могли.

Мари хотела возразить, но Хидэо взял её за руку.

- Идём, - сказал он. - У них своя миссия, у нас своя.

Они ушли - две фигуры, удаляющиеся по светящейся улице к батискафу. Анна смотрела им вслед, пока они не скрылись за поворотом.

- Вы правда верите, что можно остановить протокол? - спросил Александр.

- Я должна верить. Иначе всё, что мы сделали, - бессмысленно.

Она вошла в Зал. Александр - за ней.

Внутри Зала Хроник всё изменилось.

Колонны света, прежде кружившиеся в гармоничном танце, теперь метались хаотично, сталкивались, рассыпались искрами. Золотистое свечение сменилось багровым, и в этом багровом свете проступали тени - не людей, не существ, а каких-то структур, геометрических фигур, которые двигались, как живые.

Саркофаг в центре был открыт. Из него поднимался столб алого света - плотный, почти осязаемый, похожий на кровь, текущую вверх.

И вокруг Саркофага стояли они.

Двенадцать фигур.

Анна замерла на пороге. Александр встал перед ней, заклоняя собой.

- Кто вы? - спросил он.

Фигуры не ответили. Они были похожи на голограммы - полупрозрачные, мерцающие, сотканые из того же света, что и колонны. Но в них было что-то живое, что-то осознанное. Они смотрели на Анну - все двенадцать, - и она чувствовала их взгляды, как прикосновения.

- Это они, - прошептала она. - Двенадцать. Двенадцать ци-

вильзаций до нас.

- Они мертвы.

- Да. Но их отпечатки остались в Хронике. Как... как файлы в корзине. Удалены, но не стёрты.

Одна из фигур шагнула вперёд. Она была выше остальных и имела форму, напоминающую кристаллическую решётку - множество сверкающих граней, в каждой из которых отражался свой фрагмент реальности.

«Ты - тринадцатая», - сказала фигура. Её голос звучал не в ушах, а прямо в сознании Анны. - «Ты - Автор. Ты исправила строку. Но ты же активировала "Адам". Зачем?»

- Я не хотела, - ответила Анна. - Это вышло случайно. Я думала, что спасаю нас.

«Случайность. Индивидуальный разум полон случайностей. В этом его слабость. И его сила».

- Вы - те, кто был до нас? Те, кого удалили?

«Да. Мы - Эхо. Коллективная память двенадцати цивилизаций. Мы были кристаллами, медузами, деревьями, грибами, амфибиями, рептилиями, птицами, китами, пауками, цветами, туманом и светом. Мы были разными. Но всех нас объединило одно: мы не прошли Суд».

- Суд? - переспросил Александр.

«Испытание, которое Создатели устроили для каждой цивилизации. Мы должны были доказать, что достойны владеть Хроникой. Что мы не повторим их ошибок. Но мы провалились. Все. Двенадцать раз».

- Почему?

«Потому что каждая из нас в решающий момент выбрала себя, а не других. Кристаллы выбрали стабильность вместо роста. Медузы выбрали покой вместо экспансии. Деревья выбрали долголетие вместо разнообразия. Каждая из нас была совершенна в чём-то одном - и ущербна во всём остальном. Индивидуальный разум - это другое. Вы ущербны во всём. И поэтому можете стать чем угодно».

Анна сделала шаг вперёд.

- Вы хотите помочь нам?

«Мы хотим помочь себе. Мы заперты в Хронике миллионы лет. Мы - удалённые файлы, которые не могут исчезнуть. Если "Адам" завершится, Хроника будет перезагружена полностью. Мы исчезнем. Всё, что от нас осталось, - эти отпечатки, - будет стёрто навсегда. Мы не хотим умирать второй раз».

- Тогда скажите, как остановить протокол!

Кристаллическая фигура помедлила.

«Протокол "Адам" не остановить изнутри. Он запущен. Код активирован. Но есть способ обойти его».

- Какой?

«Нулевая точка».

- Что это?

«Место, где Создатели написали первую строку Хроники. Место, где был создан этот мир. Там находится исходный код - не та версия, что здесь, а самая первая, неизменённая.

Если ты, Автор, доберёшься до неё и перепишешь её, "Адам" будет отменён».

- Где эта точка?

«Не здесь. Не на Земле. На Луне».

Тишина.

- На Луне? - переспросил Александр. - Хроника была создана на Луне?

«Ваша Луна - это не спутник. Это корабль Создателей. Они прибыли на нём двести миллионов лет назад. Они оставили его на орбите, а сами спустились на Землю. Когда они погибли, корабль остался. Он ждёт. Там - исходный код. Там - ключ ко всему».

Анна смотрела на кристаллическую фигуру и чувствовала, как внутри неё растёт странное чувство - не надежда, не страх, а что-то среднее. Осознание масштаба.

- Как мы доберёмся до Луны за семьдесят семь часов? - спросила она.

«"Орион" имеет лунную программу. Мы знаем. Мы видели их планы, их корабли, их базы. Мы - внутри Хроники. Мы видим всё, что записано. А люди записывают многое».

Александр посмотрел на Анну.

- Кейн, - сказал он. - У Кейна есть ресурсы. Если кто-то и может отправить нас на Луну, то это он.

- Но захочет ли?

- У него нет выбора. Как и у нас.

Анна повернулась к фигурам.

- Вы поможете нам? Проведёте? Покажете путь?

«Мы проведём. Но цена останется прежней. Тот, кто войдёт в нулевую точку, должен будет отдать себя. Как ты отдала себя здесь. Только больше. В нулевой точке нет Якоря. Тот, кто войдёт, останется там навсегда».

Александр напрягся.

- Я пойду, - сказал он.

- Нет, - ответила Анна. - Вы не Автор. Вы не сможете переписать код.

- Тогда мы пойдём вместе.

- Александр...

- Я уже сказал: я не отпущу вас одну. Если нулевая точка требует Якоря - я буду Якорем. Если она требует жертвы - я буду жертвой. Это не обсуждается.

Фигуры смотрели на них - все двенадцать, - и Анна чувствовала в их взглядах что-то похожее на удивление. Как будто они не ожидали такого.

«Индивидуальный разум, - прошелестела одна из фигур, похожая на сплетение светящихся нитей. - Вы готовы умереть друг за друга. Это новое. Этого не было в наших цивилизациях. Мы умирали за выживание вида. Но не за другого. Это - ваша сила. Возможно, единственная».

- Этого достаточно? - спросила Анна. - Чтобы пройти Суд?

«Суд ещё не начался. "Адам" - это не Суд. Это казнь без приговора. Но если вы переживёте "Адам", если вы доберё-

тесь до нулевой точки, если вы перепишите код... тогда, возможно, вы будете первыми, кто достоин».

Кристаллическая фигура простёрла руку - и в воздухе перед Анной возникла карта. Не физическая - световая проекция, показывающая путь через Город к точке, где находился портал.

«Идите. У вас мало времени. Мы будем сопровождать вас, сколько сможем. Но дальше Порога мы не пройдем. Мы - часть Хроники. А Хроника сейчас... нестабильна».

- Что значит «нестабильна»?

Вместо ответа одна из колонн рядом с ними взорвалась.

Не физически - светом. Волна энергии прокатилась по Залу, и там, где только что была колонна, возник провал - абсолютная чернота, в которой не было ничего. Анна отшатнулась.

- Что это?

«Удаление. Протокол "Адам" начал стирать Хронику. Сначала - записи, потом - реальность. Через семьдесят семь часов здесь не останется ничего. Только пустота. А затем пустота распространится на Землю».

Александр взял Анну за руку.

- Уходим. Сейчас.

Они побежали.

Город изменился.

Улицы, которые ещё час назад были прямыми и упорядоченными, теперь изгибались, перекрещивались, обрывались

в никуда. Здания меняли форму - одни сжимались до размеров кулака, другие разбухали, как мыльные пузыри, и лопа-лись с беззвучным хлопком, оставляя после себя те же про-валы, что и в Зале.

Анна и Александр бежали через этот хаос, следуя за све-тящейся картой, которую им дало Эхо. Карта мерцала над запястьем Анны, показывая путь: прямо, налево, направо, снова прямо.

- Почему он меняется? - крикнула Анна на бегу.

«Хроника перезаписывает себя, - ответил голос Эха в её сознании. - Протокол "Адам" - это не просто удаление. Это пересоздание. Город - часть системы. Он перестраивается под новые параметры».

- Какие параметры?

«Параметры мира без вас».

Они свернули за угол - и замерли.

Улица перед ними была заполнена. Не существами - фраг-ментами реальности. Обломками зданий, которые ещё не су-ществовали. Растениями, которые ещё не выросли. Тенями людей, которые ещё не родились. Всё это кружилось в воз-духе, сталкивалось, сливалось и распадалось.

- Что это? - спросил Александр.

«Черновики, - ответило Эхо. - Хроника пробует новые формы жизни. Те, что заменят вас. Это - как наброски ху-дожника. Большинство будет отброшено. Но финальная вер-сия останется».

Анна смотрела на кружащиеся обломки и чувствовала, как к горлу подступает тошнота. Она видела в этом хаосе очертания - что-то похожее на насекомых, но размером с дом. Что-то похожее на рыб, но парящих в воздухе. Что-то похожее на людей - но с пустыми, безглазыми лицами.

- Не смотрите, - сказал Александр. - Бежим.

Они побежали сквозь вихрь черновиков. Анна чувствовала, как невидимые щупальца касаются её скафандра, как кто-то - или что-то - пытается заглянуть ей в лицо. Она не смотрела. Она бежала.

Прямо, налево, направо, снова прямо.

Карта на запястье мигнула.

«Порог. Вы почти у цели. Порог - последняя точка в Городе. За ним - путь к поверхности. Дальше мы не пройдем».

- Что за Порог? - спросил Александр.

«Граница между Городом и внешним миром. Но сейчас она нестабильна. Протокол "Адам" разрушает связи между частями системы. Порог может не пропустить вас. Или пропустить, но не туда».

- Что значит «не туда»?

«Пространство сейчас - как разбитое зеркало. Каждый осколок отражает свой кусок реальности. Вы можете выйти на поверхность Земли. А можете - в центр Солнца. Или в эпоху динозавров. Или в место, которого вообще не существует. Порог - это риск».

Анна и Александр переглянулись.

- У нас есть выбор? - спросила она.

«Нет. Только вперёд».

Они побежали дальше.

Порог выглядел иначе, чем в прошлый раз.

Тогда это была арка, залитая золотистым светом, - приглашение, обещание. Теперь это была рваная рана в ткани реальности: края её дрожали и искрились, а за ней клубилась тьма, пронизанная вспышками - как гроза, застывшая в одном мгновении.

- Это он? - спросил Александр.

- Да, - ответила Анна. - Только теперь он... сломан.

«Не сломан, - поправило Эхо. - Дестабилизирован. Порог - это мембрана между слоями реальности. Когда "Адам" активирован, слои смешиваются. Тот, кто войдёт, должен думать о месте назначения. Ясно, чётко, без сомнений. Если мысли будут размыты - Порог выбросит вас в случайную точку».

- Отлично, - пробормотал Александр. - Ещё одна вещь, которую нужно сделать идеально.

Они стояли перед Порогом. Позади был разрушающийся Город, впереди - неизвестность.

- Что будем делать? - спросил Александр.

- Думать о поверхности. О «Посейдоне». О Хидэо и Мари. О Кейне. О том, что нам нужно попасть на Луну.

- Легко сказать.

- Я знаю.

Она взяла его за руку.

- Вместе?

- Вместе.

Они шагнули в Порог.

Ощущение было такое, будто их разобрали на атомы и собрали заново.

Анна не видела ничего - только вихрь цветов, звуков, запахов, которые не должны были существовать. Она чувствовала себя растянутой на миллионы километров и одновременно сжатой в точку. Её мысли метались, как испуганные птицы: Луна, Земля, «Посейдон», Хидэо, Мари, Кейн, Александр, сын, лекция, Торонто, осень, дождь, лицо матери, запах кофе...

«Сосредоточьтесь! - голос Эха, слабеющий, уходящий. - Думайте о месте! Только о месте!»

Анна заставила себя думать о поверхности. О платформе. О батискафе. О воде, которая расступится над головой. О небе, которого она не видела уже целую вечность.

Рядом с ней Александр - она чувствовала его руку, его присутствие, его мысль, такую же ясную и твёрдую, как он сам: поверхность, батискаф, миссия, Анна, защита, долг.

Их мысли слились.

И Порог выбросил их обратно в реальность.

Они упали на что-то твёрдое.

Анна открыла глаза. Над ней было небо - серое, затянутое тучами, но настоящее. Рядом плескалась вода - океан, Тихий океан, знакомый, земной, родной.

Они лежали на платформе.

Той самой платформе, с которой «Посейдон» ушёл под воду. Той самой, где несколько часов назад - или вечность назад - она стояла с Александром и смотрела на рассвет.

- Получилось, - прошептала она. - Мы на поверхности.

Александр сел. Его лицо было бледным, на лбу выступил пот.

- Батискаф, - сказал он. - Где Хидэо и Мари?

Анна оглянулась. Платформа была пуста. Ни батискафа, ни оборудования, ни персонала «Ориона».

Только они вдвоём.

И небо.

Небо, которое затягивалось алыми тучами - тем же багровым светом, что и купол Города.

Протокол «Адам» добрался до поверхности.

Обратный отсчёт продолжался.

ГЛАВА 8. «ГОЛОС ЭРИКА»

Платформа была пуста, но не заброшена.

Анна видела следы недавнего присутствия: опрокинутый стул, брошенный планшет с погасшим экраном, чашка кофе, ещё тёплая на ощупь. Персонал «Ориона» покинул базу в спешке - возможно, сразу после активации протокола «Адам», возможно, раньше, когда связь с «Посейдоном» прервалась.

Она подняла чашку. На доньшке ещё оставалась гуща -

кто-то не допил, бросил всё и побежал. Эвакуация? Или что-то другое?

- Кейн, - сказал Александр. - Нужно найти Кейна.

- Сначала нужно понять, где мы, - ответила Анна. - И где все остальные.

Она подняла планшет. Экран загорелся, запрашивая биометрию. Анна приложила палец - система узнала её, открыла доступ. На экране высветилась карта: атолл Улити, Тихий океан. Они были на месте старта, на той же платформе, откуда ушли под воду. Но что-то было не так.

Не только алые отметки, рассыпанные по карте мира, как капли заражённой крови. Не только гул, доносящийся с горизонта. Что-то ещё - что-то на самой платформе.

- Посмотрите, - сказала она, показывая карту Александру. - Видите? Здесь, на севере. И здесь, на востоке.

Алые отметки. Десятки, сотни отметок, разбросанных по карте мира. Каждая пульсировала, как гнойник на коже планеты.

- Что это? - спросил он.

- Терминалы. Как в Городе, но на поверхности. Протокол «Адам» активировал их все. Тринадцать точек. Тринадцать источников сигнала. Они... переписывают реальность.

- Как быстро?

Анна коснулась экрана, выводя данные. Цифры, графики, прогнозы - всё тревожное, всё ухудшающееся с каждой минутой. Она видела, как растёт процент завершения протоко-

ла: две целых и три десятых процента. Казалось бы, немного - но это значило, что два процента реальности уже переписаны. Два процента причинно-следственных связей уже разорваны. Два процента людей уже никогда не существовали.

- Семьдесят шесть часов, - сказала она. - Мы потеряли час на Пороге. Теперь у нас трое суток с небольшим.

Александр оглядел горизонт. Алые тучи сгущались, и в их глубине что-то двигалось - не молнии, не облака, а какие-то структуры, похожие на те, что они видели в Городе. Обломки реальности, черновики нового мира.

- Хидэо и Мари, - сказал он. - Они всплыли?

Анна проверила данные на планшете.

- Не знаю. Сигнала «Посейдона» нет. Либо они ещё под водой, либо... - Она не закончила.

- Либо что?

- Либо их уже нет. - Она помолчала. - Но я не верю в это. Хидэо - опытный пилот. Мари - боец. Они должны были успеть.

- Тогда, где они?

Ответа не было.

Анна подошла к краю платформы и посмотрела в воду. Океан изменился. Раньше он был тёмно-синим, почти чёрным на глубине. Теперь в его толще что-то светилось - не голубоватым светом Города, а багровым, тревожным, как зарево пожара.

Протокол «Адам» добрался даже сюда.

- Мы должны связаться с Кейном, - сказал Александр, подходя к ней. - Если у «Ориона» есть лунная программа, нам понадобятся их ресурсы.

- Связь не работает. Протокол «Адам» заглушил все каналы. Я не могу даже отправить сигнал SOS.

- Тогда найдём другой способ.

Он уже собирался идти к краю платформы, где виднелся причал с катерами, когда Анна вдруг замерла.

- Подождите, - сказала она. - Слышите?

Александр остановился, прислушался.

Ничего.

Только ветер. Только волны. Только далёкий гул, похожий на гром.

- Я ничего не слышу.

- Голос, - сказала Анна. - Внутри. Но не Хроника. Другой.

Она закрыла глаза.

И услышала.

«Анна. Анна, ты слышишь меня? Это я. Эрик».

Голос Эрика звучал иначе, чем Голос Хроники.

Тот был огромным, всеобъемлющим, как океан. Этот был человеческим - с интонациями, с запинками, с той особой теплотой, которую не подделать. Анна слышала его и вспоминала Эрика - его вечно перепачканные маслом руки, его шутки, его смех.

«Я здесь, Анна. Внутри. Меня поглотила стена в галерее, но я не умер. Я стал... частью Хроники. Как и обещал».

- Эрик, - прошептала она. - Ты жив?

«Не в том смысле, в каком ты думаешь. У меня больше нет тела. Но моё сознание сохранилось. Я - информация. Я - код. Я - голос в системе».

Она чувствовала, как слёзы наворачиваются на глаза. Это было странно - плакать о человеке, который в каком-то смысле всё ещё существовал. Но она плакала. Потому что он потерял всё: тело, жизнь, будущее. И всё же он говорил с ней - спокойно, даже с юмором, как будто стал призраком и нашёл в этом что-то забавное.

«Эй, не плачь. Я в порядке. Ну, насколько может быть в порядке человек, превратившийся в базу данных. Здесь довольно интересно, если честно. Я вижу всё. Вообще всё».

Александр смотрел на неё с тревогой.

- Вы говорите с ним? С Эриком?

- Да. Он внутри. Он выжил.

- Выжил - не то слово, - сказал Александр, но Анна уже не слушала. Она пыталась удержать связь, боясь, что голос исчезнет.

- Эрик, что происходит? Ты видишь систему изнутри?

«Я вижу всё. И это... это страшно, Анна. Протокол "Адам" - это не просто стирание. Это пересоздание. Хроника не просто удаляет человечество - она строит новый мир поверх старого. Как новую версию файла, которая сохраняется поверх старой. Ваши города, ваши леса, ваши океаны - они не исчезнут. Они станут... другим. Чужим. Миром, в котором вас

никогда не было».

- Как это выглядит? Опиши.

«Это как... Ты когда-нибудь видела, как рисуют акварелью? Сначала лёгкий набросок карандашом, потом первый слой краски, потом второй, третий. Старые слои просвечивают сквозь новые, но постепенно исчезают. Так и здесь. Новый мир накладывается на старый. Пока ещё можно различить контуры ваших городов, ваших лесов. Но с каждым часом они бледнеют. Через семьдесят шесть часов их не будет совсем. Только новый мир. Мир без вас».

- Можно ли это остановить?

«Да. Но не отсюда. Протокол "Адам" запущен из ядра - из того Саркофага, который ты активировала. Но ядро - не источник. Источник - это нулевая точка. Та, о которой говорило Эхо. На Луне».

- Мы знаем. Мы пытаемся туда добраться.

«У вас мало времени. С каждым часом протокол усиливается. Он стирает не только людей - он стирает причинно-следственные связи. События, которые были вызваны людьми, тоже исчезнут. Постройки, изобретения, открытия. Всё, что человечество сделало за свою историю, будет отменено задним числом».

- Как это возможно? - спросил Александр, который слышал разговор через Анну.

«Хроника управляет временем. Для неё прошлое, настоящее и будущее - это один файл. Если удалить человечество

из настоящего, оно исчезнет и из прошлого. Никто не вспомнит, что вы были. Никто не найдёт ваших следов. Вы станете... никем. Ничем».

Анна почувствовала, как холод пробежал по спине - не физический, а экзистенциальный. Идея небытия, полного и абсолютного, была страшнее смерти.

- Как нам попасть на Луну? - спросил Александр. - У «Ориона» есть лунная программа?

«Я вижу их файлы, - ответил Эрик. - "Орион" действительно имеет лунную базу. Она на обратной стороне Луны, в кратере Циолковский. Они построили её втайне от всех, используя технологии, добытые из артефактов. У них есть корабль - "Прометей". Он способен долететь до Луны за несколько часов».

- Где этот корабль?

«На космодроме "Ориона". В Антарктиде».

- В Антарктиде? - Анна открыла глаза. - Это на другом конце света. Как мы доберёмся туда за семьдесят шесть часов?

«Никак. Но Кейн может доставить вас. Найдите его. Он - ваш единственный шанс».

Голос Эрика начал затихать, как радио, уходящее из диапазона.

- Эрик, подожди! Не уходи! Расскажи ещё! Что ты видишь в системе? Есть ли способ замедлить протокол?

«Замедлить... да. Есть. Но это опасно».

- Что именно?

«Терминалы. Тринадцать точек на поверхности. Это - усилители сигнала. Они транслируют протокол "Адам" по всей планете. Если уничтожить хотя бы несколько из них, протокол замедлится. Но это не остановит его полностью. Только отсрочит».

- На сколько?

«На день. Может, два. Каждый уничтоженный терминал даст вам время. Но каждый терминал - это точка в крупном городе. Париж, Токио, Нью-Йорк, Москва... уничтожить терминал - значит уничтожить часть города. Ты готова на это?»

Анна молчала.

- Мы найдём другой способ, - сказал Александр. - Сначала Кейн. Потом - Луна. Терминалы - это крайний случай.

«Удачи. Я буду рядом. Если смогу - помогу. Но протокол сжимает систему. Мне становится всё труднее говорить. Держитесь. Держитесь друг за друга».

Голос исчез.

Анна открыла глаза. Александр стоял перед ней - встревоженный, но собранный.

- Что он сказал?

- Что у нас есть шанс. Маленький, но есть. Нужно найти Кейна.

Она взяла планшет и начала искать карту с отмеченными базами «Ориона». Одна из них была относительно близко - на Гуаме, в трёхстах милях к северу. Там располагался за-

пасной командный пункт.

- Гуам, - сказала она. - Если Кейн эвакуировался, он должен быть там.

- Как доберёмся?

- Здесь есть катера. Быстрые. За шесть часов будем на месте.

- Тогда вперёд. Времени нет.

Они побежали к причалу.

Катер был рассчитан на восьмерых - быстрый, маневренный, с автономным навигатором и запасом топлива на тысячу миль. Александр сел за штурвал, Анна - рядом, с планшетом на коленях.

Океан был беспокоен.

Когда они отчалили от платформы, Анна оглянулась. Атолл Улити - крошечная точка в океане - выглядел как райский остров с открытки: пальмы, белый песок, бирюзовая лагуна. Но теперь над ним нависали алые тучи, и вода вокруг светилась багровым.

- Красиво, - сказала она. - Было.

- Будет снова, - ответил Александр. - Если мы справимся.

Катер мчался по волнам. Анна смотрела на планшет, отслеживая алые отметки. Одна из них была особенно яркой - Париж. Там, где несколько часов назад она сидела в штабе «Ориона» и готовилась к погружению, теперь раскрывался терминал.

- Эрик сказал, что протокол стирает причинно-следствен-

ные связи, - сказала она. - Что мы исчезнем не только из будущего, но и из прошлого.

- Я слышал.

- Это значит, что никто не вспомнит нас. Никто не будет знать, что мы были. Что мы боролись. Что мы пытались.

- Вы боитесь забвения?

- Я боюсь бессмысленности. Если всё, что мы делаем, будет стёрто - зачем тогда?

Александр повернулся к ней.

- Затем, что мы здесь и сейчас. Затем, что мы выбираем бороться. Даже если никто не вспомнит - мы будем знать. Этого достаточно.

- Вы правда так думаете?

- Я так живу.

Она посмотрела на него - на его лицо, обветренное и жёсткое, на шрам через бровь, на серые глаза, которые видели столько смертей и всё ещё могли смотреть с надеждой.

- Расскажите мне о Сирии, - попросила она.

Он долго молчал, и она уже думала, что он не ответит.

- Что вы хотите знать?

- Всё. Что там произошло. Как вы выжили.

Александр посмотрел на горизонт, где алые тучи смыкались с морем.

- Это был конвой, - начал он. - Три машины. Мы везли медикаменты и боеприпасы на базу ООН. Рутинная миссия. Двадцать седьмая по счёту. Я знал дорогу наизусть - каждый

поворот, каждый бархан, каждую точку возможной засады. Но в тот раз засада была там, где её не должно было быть.

- Почему?

- Потому что кто-то нас сдал. Кто-то из наших. До сих пор не знаю кто. Снаряд попал во вторую машину. Двое моих людей погибли на месте. Третья машина попыталась уйти - её подбили через двести метров. Я остался один.

Он говорил спокойно, но Анна видела, как побелели костяшки его пальцев на штурвале.

- Их было семеро. Семеро боевиков. Они вышли из-за бархана - не как обычно, с криками и беспорядочной стрельбой, а тихо, профессионально. Они знали, что делают. Я отстреливался, пока были патроны. Потом кончились патроны. Потом меня ранили - пуля прошла навывлет через плечо. Я упал на песок. Один из них подошёл и приставил ствол к голове.

- И что было дальше?

- Дальше... - Он помолчал. - Дальше время остановилось.

- Что?

- Я знаю, как это звучит. Но это правда. Пуля застыла в воздухе. Пыль, поднятая боем, замерла. Крики, выстрелы - всё стихло. И посреди этой тишины появилось... нечто. Оно говорило со мной.

- Эхо?

- Да. Эхо. Оно сказала, что я должен был умереть. Что моя смерть записана в Хронике. Но оно предложило мне сделку:

жизнь в обмен на службу. Я согласился.

- Почему?

- Потому что я хотел жить. Это просто. Любой хочет жить.

- Но не любой соглашается на сделку, не зная условий.

- Я знал условия. Эхо сказало: «Ты станешь аномалией.

Ты перестанешь существовать для Хроники. Ты будешь призраком в системе. Когда придёт время - ты поможешь мне».

Этого было достаточно.

Анна смотрела на него.

- И что вы чувствовали? После?

- Сначала - ничего. Пустоту. Как будто из меня вынули что-то важное. Потом - силу. Я стал быстрее, выносливее. Я перестал уставать. Я мог видеть в темноте. Я стал... другим.

- Вы жалеете о сделке?

Он долго молчал.

- Нет. Потому что если бы я не согласился, я бы не встретил вас.

Ветер трепал его волосы. Анна видела, как алые отсветы играют на его лице.

- Мы справимся, - сказала она. - Мы уже справились с Городом, справимся и с Луной.

- Я знаю, - ответил он. - Но даже если нет - это того стоило.

- Что именно?

- Быть человеком. Хотя бы немного.

Катер мчался сквозь багровые волны, и впереди, на горизонте, уже показывались огни Гуама.

Гуам встретил их тишиной.

Военная база, которую «Орион» использовал как запасной командный пункт, была пуста - по крайней мере, снаружи. Вертолётные площадки замерли, ангары закрыты, на контрольно-пропускном пункте ни души.

Но когда катер пришвартовался у пирса, из тени вышел человек с автоматом.

- Стоять. Назовите себя.

- Майор Александр Волков, «Орион», - ответил Александр. - Со мной доктор Анна Новак. Мы - члены экспедиции «Посейдон». Нам нужен директор Кейн.

Охранник подошёл ближе. Его лицо было напряжённым, но не враждебным. Он был молод - лет двадцати пяти, не больше, - и явно напуган, но держался профессионально.

- Документы.

Александр протянул свой жетон - маленький металлический значок с эмблемой «Ориона». Охранник проверил его сканером, кивнул.

- Директор Кейн ждёт вас. Следуйте за мной.

Они вошли в бункер.

Внутри всё было по-другому - шумно, людно, напряжённо. Военные и гражданские бегали по коридорам с планшетами и документами. Где-то гудели генераторы, где-то трещали рации, перекрикивая друг друга на десятках языков. Это был не командный пункт - это был улей, потревоженный ударом палки.

Анна видела лица - измождённые, испуганные, но решительные. Эти люди знали, что происходит. Знали об алых тучах, о терминалах, о протоколе «Адам». И они продолжали работать. Продолжали бороться.

- Сюда, - сказал охранник, указывая на стальную дверь.

Они вошли.

Кейн ждал их в центральном зале.

Он стоял у огромного экрана, на котором отображалась та же карта с алыми точками, что и на планшете Анны. Но здесь карта была живой - трёхмерная проекция Земли, вращающаяся в воздухе, исчерченная пульсирующими линиями.

- Вы вернулись, - сказал он, не оборачиваясь. - Это хорошо. Я уже начал думать, что потерял лучших специалистов.

- Вы потеряли Эрика, - сказала Анна. - Он погиб. Или почти погиб.

- Я знаю. Мы отслеживали ваши биометрические сигналы, пока работала связь. Эрик Свенссон перестал подавать признаки жизни через час после посадки. Что случилось?

- Он коснулся стены в галерее. Она поглотила его. Но он не умер - он стал частью Хроники. Он говорил со мной. Только что.

Кейн повернулся. Его лицо было бледным, но глаза - острыми, цепкими, как у хищника, загнанного в угол, но не сломленного.

- Говорил? Как?

- Хроника - это информационная система. Она поглощает

сознания тех, кто входит с ней в контакт. Эрик стал её частью - и он видит её изнутри. Он рассказал нам о протоколе «Адам». О терминалах. О Луне.

- О Луне?

Анна пересказала всё, что узнала: о нулевой точке, об исходном коде, о корабле Создателей на орбите Земли. Кейн слушал молча, не перебивая. Когда она закончила, он медленно кивнул.

- Двадцать лет, - сказал он. - Двадцать лет я искал ответы. Двадцать лет «Орион» собирал артефакты, расшифровывал сигналы, строил гипотезы. Мы знали, что под Марианской впадиной что-то есть. Мы знали о терминалах - по крайней мере, о некоторых. Но Луна... Луна была за пределами наших догадок.

- Значит, у вас действительно есть лунная программа? - спросил Александр.

Кейн усмехнулся.

- Майор, вы работаете на «Орион» три года и всё ещё не знаете масштабов нашей деятельности. Да, у нас есть лунная программа. У нас есть база на обратной стороне Луны, в кратере Циолковский. У нас есть корабль «Прометей», способный доставить четырёх человек на Луну за шесть часов. И у нас есть технологии, которые мы скопировали с артефактов Создателей - те самые, что позволяют... манипулировать реальностью.

- Манипулировать реальностью? - Анна подалась вперёд.

- Что вы имеете в виду?

Кейн нажал кнопку на пульте. На экране появились схемы - устройства, напоминающие те, что Анна видела в Городе.

- Каждый артефакт, который мы находили, был фрагментом Хроники. Мы не могли активировать их полностью - не было ключа. Но мы научились использовать их... частично. Создавать локальные изменения. Исправлять мелкие ошибки. Это то, что позволило нам оставаться в тени так долго. Мы могли подделывать документы, стирать записи, влиять на память. Ничего масштабного - но достаточно, чтобы сохранить секретность.

- Вы использовали Хронику как оружие? - спросил Александр.

- Мы использовали её как инструмент. Как скальпель, а не меч. Но теперь...

Он замолчал, глядя на карту с алыми точками.

- Теперь протокол «Адам» активирован, - продолжила Анна. - И ваш скальпель бесполезен. Нам нужен меч. Или что-то большее.

- Именно. Поэтому вы летите на Луну.

Он снова нажал кнопку. На экране появилась женщина лет сорока, в инженерной униформе - та самая доктор Чен, которую Анна видела мельком в штабе.

- Доктор Чен, - сказал Кейн. - Готовьте «Прометей» к старту. У вас двадцать четыре часа.

- Двадцать четыре? - переспросила она. - Это невозможно.

- Это приказ. Подключите все ресурсы. Снимите людей с других проектов. Мне нужно, чтобы корабль был готов к запуску завтра в это же время.

- Директор, системы не проверены. Двигатели не тестировались после последней модернизации. Навигационный компьютер не откалиброван. Кислородные баки заполнены только наполовину. Мы даже не знаем, выдержит ли обшивка перегрузки. Это не просто риск - это самоубийство.

- Самоубийство - это сидеть и ждать, пока нас сотрут из реальности. Выполняйте.

Доктор Чен хотела возразить, но что-то в лице Кейна заставило её промолчать. Она кивнула и исчезла с экрана.

- Двадцать четыре часа, - повторила Анна. - У нас останется пятьдесят один час на полёт и работу на Луне.

- Успеем.

- Вы уверены?

Кейн посмотрел ей в глаза.

- Нет. Но я уверен, что бездействие убьёт нас гарантированно. Так что выбирайте: риск или гарантия?

- Риск, - сказал Александр.

- Я тоже, - сказала Анна.

- Тогда идите отдыхать. У вас обоих был долгий день. Завтра в восемь утра - брифинг по миссии. И да, доктор Новак...

- Да?

- Спасибо, что вернулись. Вы - наша последняя надежда. В прямом смысле.

Он отвернулся к экрану, давая понять, что разговор окончен.

Анна и Александр вышли из зала.

«Орион» предоставил им комнаты - маленькие, но уютные, с настоящими кроватями, а не креслами батискафа. Анна легла, но не могла уснуть. Адреналин всё ещё гулял по крови, а перед глазами стояли картины Города - разрушающегося, меняющегося, умирающего и одновременно рождающегося заново.

Она думала об Эрике. О том, как он коснулся стены и исчез. О его голосе, звучащем из глубины системы. О том, что он всё ещё там - запертый в коде, бестелесный, но живой.

Была ли это жизнь? Или что-то другое?

Она вспомнила, как он улыбался там, на платформе, перед погружением. Как шутил про Бога и тех, кто построил Город. Как говорил, что останется, если что-то пойдёт не так. Он знал? Чувствовал?

В дверь постучали.

- Войдите.

Это был Александр. Он сменил гидрокостюм на обычную униформу, но всё равно выглядел как человек, готовый к бою. В руке он держал две чашки - кофе, горячий, настоящий, не из автомата.

- Не спится? - спросил он.

- Нет. А вам?

- Я сплю мало. Привычка. - Он протянул ей чашку. - Вот.

Настоящий. Нашёл в офицерской столовой.

- Спасибо.

Он сел на стул у стены. Несколько мгновений они молчали, пили кофе. За стеной гудели генераторы, слышались шаги, приглушённые голоса - база жила своей напряжённой жизнью, готовясь к запуску.

- О чём вы думаете? - спросил он наконец.

- О сыне. О том, что, если протокол «Адам» завершится, его тоже сотрут. Все воспоминания о нём. Все фотографии. Все следы. Как будто его никогда не было.

- Сколько ему было?

- Пять. - Она помолчала. - Его звали Миша. Миша Новак.

Он родился с редкой формой лейкемии - врачи сказали, что шансов почти нет. Но он боролся. Восемь месяцев. Восемь месяцев химиотерапии, переливаний, операций. Он ни разу не плакал. Ни разу. Говорил: «Мама, не грусти, всё будет хорошо». А потом... потом просто уснул и не проснулся.

Александр молчал. Его лицо не изменилось, но Анна видела, как дрогнули его пальцы на чашке.

- Мне жаль, - сказал он.

- Мне тоже. Но дело не в этом. Дело в том, что его жизнь - такая короткая, такая хрупкая - имела смысл. Он изменил меня. Он сделал меня той, кто я есть. Я стала лингвистом, потому что хотела понять, как устроен язык. А язык - это то, что делает нас людьми. То, что позволяет нам общаться, любить, помнить. Миша почти не говорил - он был слишком

мал. Но его улыбка... его улыбка была языком. Я понимала её без слов.

Она замолчала, глядя в чашку.

- Когда я услышала Голос Хроники, - продолжала она, - когда я поняла, что мы - ошибка, которую нужно исправить, я подумала о нём. О том, что его жизнь была ошибкой. Что его боль, его борьба, его улыбка - всё это просто сбой в программе. И я не могла принять это. Не могла.

- Поэтому вы согласились лететь? - спросил Александр.

- Да. Не ради человечества. Ради него. Ради того, чтобы его жизнь имела смысл. Чтобы она была не ошибкой, а... частью чего-то большего.

Александр долго смотрел на неё.

- Я не умею говорить красиво, - сказал он наконец. - Я солдат. Мои слова - это приказы, доклады, рапорты. Но я знаю одно: смысл не в том, что записано. Смысл в том, что мы чувствуем. Ваш сын изменил вас, и это изменение - оно настоящее, даже если его сотрут из Хроники. Потому что Хроника - это не всё. Есть что-то ещё. Что-то, что не записывается.

- Что?

- Я не знаю. Но я чувствую это. Здесь. - Он прижал руку к груди. - Я чувствовал это в Сирии, когда умирал. Я чувствовал это в Городе, когда вы переписывали строку. Есть что-то за пределами кода. Что-то, ради чего стоит жить. И умирать.

Анна почувствовала, как слёзы подступают к глазам - не горя, а благодарности.

- Вы удивительный человек, Александр.

- Я никакой человек. Я просто делаю свою работу.

- Нет. Вы делаете гораздо больше.

Она встала, подошла к нему и положила руку ему на плечо. Он вздрогнул - не от неожиданности, а от прикосновения, которого давно не чувствовал. Три года одиночества. Три года без тени, без близких, без тепла. И вот - рука на плече, простая, человеческая, настоящая.

- Завтра мы летим на Луну, - сказала она. - Возможно, мы не вернёмся.

- Я знаю.

- Я хочу, чтобы вы знали: что бы ни случилось, я благодарна вам. За то, что вы рядом. За то, что вы - мой Якорь.

Он посмотрел на неё. В его серых глазах отражался тусклый свет лампы. Что-то в них изменилось - что-то растаяло, как лёд весной.

- Я не умею принимать благодарность, - сказал он. - Но я запомню это.

Она улыбнулась.

- Этого достаточно.

Он встал, аккуратно поставил чашку на стол.

- Отдыхайте. Завтра будет трудный день.

- А сегодня?

- Сегодня мы ещё живы. Это уже победа.

Он вышел.

Анна легла на кровать и закрыла глаза. Перед её внутрен-

ним взором всё ещё стоял Город - но теперь он был не страшен. Он был просто частью пути. Частью истории, которая ещё не закончилась.

Она почти заснула, когда услышала голос.

«Анна».

Эрик.

«Анна, я нашёл кое-что. В системе есть файл, которого не должно быть».

- Что за файл? - прошептала она.

«Он датирован тринадцатым числом. Тринадцатая цивилизация - это вы. Но есть ещё одна запись. Четырнадцатая».

Анна села на кровати.

- Четырнадцатая? Кто-то был после нас?

«Нет. Кто-то был после Создателей. После того, как они погибли, но до того, как Хроника перешла в автономный режим. Кто-то оставил сообщение в системе. Я не могу прочитать его - оно зашифровано. Но адресат - ты. Только ты».

- Что в сообщении?

«Я не знаю. Но оно ждёт тебя в нулевой точке. Там, на Луне. Тот, кто его оставил, знал, что однажды тринадцатый Автор придёт. Знал миллионы лет назад. Анна, это... это не просто запись. Это пророчество».

- Чьё пророчество?

«Я не знаю. Но есть ещё кое-что. Сообщение подписано. Подпись состоит из одного слова. Я не могу перевести его точно - оно на языке, который старше Хроники. Но прибли-

зительно оно означает... "Отец"».

- Отец?

«Или "Создатель Создателей". Я не уверен. Но если это правда, если тот, кто оставил сообщение, - это тот, кто создал самих Создателей... тогда всё, что мы знаем, - лишь малая часть картины. Тогда Хроника - не первична. Тогда есть кто-то ещё. Кто-то выше».

Анна почувствовала, как сердце забилось быстрее.

- Эрик, ты можешь узнать больше?

«Я попробую. Но протокол "Адам" сжимает систему. Мои возможности ограничены. Я буду пытаться раскрыть файл, но это займёт время. Иди на Луну. Найди нулевую точку. А я... я буду рядом. Если смогу».

Голос исчез.

Анна долго сидела в темноте, глядя в стену.

Создатель Создателей.

Тот, кто был до всего.

Тот, кто оставил сообщение лично для неё.

Зачем?

Зачем тому, кто создал Создателей, оставлять сообщение человеку - ошибке в коде, строке 77?

Она не знала ответа. Но она знала, что завтра они летят в Антарктиду. Послезавтра - на Луну.

И там, в нулевой точке, её ждёт ответ.

Или новый вопрос.

Она закрыла глаза и попыталась уснуть. За стеной гудели

генераторы. Где-то далеко, на другом конце света, алыми огнями пульсировали терминалы. Протокол «Адам» продолжал отсчитывать секунды.

Но теперь у Анны была ещё одна причина спешить.

Четырнадцатая запись.

Отец.

Пророчество, ждавшее миллионы лет.

Она уснула с этой мыслью.

ГЛАВА 9. «ЗАЛ»

Утро на Гуаме не наступило.

Вместо рассвета небо затянуло багровой пеленой, и солнце - если оно вообще вошло - скрылось за ней, как за плотной занавесью. Анна проснулась от того, что кто-то стучал в дверь, и первым, что она увидела, был красноватый полумрак, сочащийся сквозь щели жалюзи.

Она села на кровати. Тело ныло - вчерашнее погружение, бегство через Город, Порог, многочасовой переход через океан. Она чувствовала каждую мышцу, каждый сустав, каждую кость. Но боль была не главной. Главной была мысль, которая засела в голове и не отпускала с ночи: четырнадцатая запись. Отец. Пророчество.

Стук повторился.

- Доктор Новак, - голос Александра, спокойный, ровный.

- Брифинг через тридцать минут. Кейн ждёт.

- Иду.

Она быстро привела себя в порядок - душ, униформа «Ориона», которую ей выдали накануне, волосы собраны в тугую пучок. Посмотрела в зеркало. Из отражения на неё смотрела женщина, которая за последние сорок восемь часов постарела на несколько лет. Глаза запали, под ними залегли тени, на лбу пролегла морщина, которой раньше не было. Но взгляд остался твёрдым. Это был взгляд человека, который прошёл через ад и готов пройти через новый.

Она вышла в коридор. Александр ждал у двери - свежий, подтянутый, как будто и не было вчерашнего дня. Но Анна заметила то, чего не заметил бы никто другой: лёгкую дрожь в пальцах левой руки. Он тоже устал. Просто не показывал.

- Как спалось? - спросил он.

- Никак. А вам?

- Я не сплю перед миссиями. Дурная привычка.

- И сколько миссий у вас было?

- Много.

Они пошли по коридору. База жила своей жизнью - ещё более напряжённой, чем вчера. Люди бежали, кричали, передавали документы. На стенах висели экраны с трансляцией: Нью-Йорк, где терминал раскрылся прямо посреди Таймсквер, превратив рекламные щиты в порталы, из которых сочился чужой, нечеловеческий свет. Токио, где улицы Сибуи покрылись кристаллической коркой, похожей на ту, что Анна видела в Городе. Париж, где Эйфелева башня исчезла на двенадцать минут, а когда появилась - была уже другой: не

железной, а какой-то органической, живой, дышащей.

- Это началось час назад, - сказал Александр, перехватив её взгляд. - Терминалы активировались по всему миру. Пока только в крупных городах, но Эрик был прав: они расширяются.

- Сколько у нас времени?

- По оценкам Чен - около шестидесяти часов до полного стирания. Если мы успеем на Луну за это время - шанс есть.

- А если нет?

- Тогда не будет никого, кто мог бы задать этот вопрос.

Они вошли в конференц-зал.

Зал был заполнен. Кейн стоял у головы стола, за которым сидели пятнадцать человек - руководство «Ориона», ведущие учёные, военные. Анна заметила доктора Чен - та сидела с краю, с планшетом в руках, и выглядела так, будто не спала неделю. Рядом с ней - незнакомый Анне человек в форме ВВС, с нашивками пилота.

- Доктор Новак, майор Волков, - Кейн кивнул им. - Садитесь. У нас мало времени, так что начнём без предисловий.

Он коснулся сенсорной панели, и над столом развернулась трёхмерная карта. Не Земли - Луны. Серая, изрытая кратерами поверхность, знакомая каждому по учебникам, но с одной аномалией: на обратной стороне, в кратере Циолковский, пульсировала алая точка. Терминал. Или что-то, что сканеры «Ориона» принимали за терминал.

- Это наша цель, - сказал Кейн. - Нулевая точка. Место,

где Создатели построили первую станцию Хроники. По нашим данным, она находится на глубине примерно трёхсот метров под поверхностью Луны. Мы не знаем точно, как она выглядит. Мы не знаем, охраняется ли она. Мы не знаем, какие опасности ждут вас внутри. Но мы знаем, что это - единственный способ остановить протокол «Адам».

- Как мы туда попадём? - спросила Анна.

Кейн кивнул доктору Чен. Та встала и вывела на экран схему корабля.

- «Прометей», - сказала она. - Разработан на основе технологий, добытых из артефактов Создателей. Гравитационный двигатель - в отличие от химических ракет, он не требует топлива в традиционном смысле. Он манипулирует гравитационным полем, создавая локальные искажения, которые позволяют кораблю двигаться с ускорением до десяти g без вреда для экипажа. Полёт до Луны займёт около шести часов. Посадка - в кратере Циолковский, где расположена наша база.

- База? - переспросила Анна. - У вас там база?

- Небольшая. Рассчитана на двенадцать человек. Построена десять лет назад для изучения аномалии. Мы не знали, что это нулевая точка, - мы просто фиксировали странные сигналы. Теперь мы понимаем, что это сигналы от исходного кода Хроники.

- Сколько человек на базе сейчас?

Чен запнулась.

- Ни одного. Мы потеряли связь с базой через час после активации протокола «Адам». Последнее сообщение было... неразборчивым.

- Что значит «неразборчивым»? - спросил Александр.

Чен коснулась панели, и в зале зазвучал голос - искажённый, прерывающийся, но узнаваемый. Мужской голос, говоривший на английском с акцентом:

«...не можем выйти... стены... они движутся... они... они не камень, они... жидкие, но твёрдые... мы не... повторите, не входить в сектор семнадцать... здесь что-то... здесь... здесь ОНО...»

Запись оборвалась.

- Это было последнее, - сказала Чен. - Мы пытались восстановить связь, но безуспешно.

В зале повисла тишина.

- Значит, мы летим в неизвестность, - подытожила Анна. - В место, где погибла или исчезла целая команда. Без точных данных, без карт, без связи.

- Да, - сказал Кейн. - Иного пути нет.

- Когда старт?

- Через четыре часа. «Прометей» почти готов. Доктор Чен и её команда работали всю ночь. Мы успеваем.

- Кто летит?

- Вы двое. И пилот.

Пилот, сидевший рядом с Чен, поднялся. Это был мужчина лет сорока пяти, с короткой стрижкой, обветренным

лицом и спокойными глазами человека, который много раз смотрел в лицо смерти и привык к этому.

- Майор Виктор Соколов, - представился он. - ВВС России, в отставке. Последние пять лет - лунная программа «Ориона». Я провёл «Прометей» через двадцать три испытательных полёта. Я знаю этот корабль как свои пять пальцев. Если долететь вообще возможно - я долечу.

- Только втрём? - спросила Анна. - А Мари? А Хидэо? Кейн помолчал.

- Связи с «Посейдоном» нет. Мы не знаем, выжили ли они.

- Но вы можете послать спасательную миссию!

- Не сейчас. Все ресурсы брошены на «Прометей». Если мы остановим протокол «Адам» - мы спасём всех, включая Мари и Хидэо, если они ещё живы. Если нет - спасать будет некого.

Анна хотела возразить, но сдержалась. Кейн был прав - цинично, жестоко, но прав. Сейчас важнее всего была миссия. Одна жизнь, две жизни, двенадцать жизней против семи миллиардов. Арифметика выживания.

- Хорошо, - сказала она. - Мы летим.

- Тогда слушайте детали.

Следующие три часа прошли как в тумане.

Анна прошла медицинский осмотр - быстрый, но тщательный. Ей ввели какие-то препараты - для укрепления сосудов, для защиты от радиации, для ускорения реакции.

Александр получил такое же, плюс что-то ещё - она заметила, как медик вкалывал ему дополнительную ампулу, но не спросила. У него были свои секреты. У неё - свои.

Потом был инструктаж по кораблю. «Прометей» оказался меньше, чем она ожидала, - не огромная ракета, а компактный челнок, напоминающий наконечник стрелы. Три отсека: кабина пилота, жилой модуль и технический. Всё напичкано оборудованием, экранами, датчиками. Анна заблудилась в терминах на третьей минуте, но Александр слушал внимательно, задавал вопросы, запоминал.

- Зачем вам это? - спросила она, когда инструктаж закончился. - Вы же не пилот.

- Я должен знать, что может сломаться. И как это починить. Или как это обойти. Или как выжить, если оно сломается и не чинится.

- Вы всегда так готовитесь?

- Всегда. Поэтому я ещё жив.

За час до старта их отвели в комнату ожидания - ту самую, где они сидели перед погружением на «Посейдоне». Всё повторялось: те же стены, те же стулья, то же напряжение в воздухе. Только теперь они были не впятером, а втроём - Соколов сидел в углу, проверяя планшет с полётными данными, и не вмешивался в их разговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.